
РИКА АСТА
ЖЕСТОКОСТЬ
ДАРК РОМАН

Рика Аста
Жестокость

https://litres.ru/74713518

Аннотация

Кресло отъехало с глухим стуком. Огромный мужчина поднялся во весь рост, обогнул стол и пошёл на меня.

— Не подходите... — я попятилась.

Но он не слушал, смотря на меня сверху вниз. Голубые глаза больше не казались ледяными. Они потемнели. Стали другими.

— Я не боюсь вас.

— Зря, — ответил он чуть наклонив голову и его руки сомкнулись на моей талии, а пол ушёл из-под ног. Я взвизгнула, забилась в воздухе, попыталась вырваться — он прижал меня животом к своему плечу.

— Отпустите! — я ударила кулаком по спине. Ещё раз. Ещё.

Он не реагировал. Шагал через кабинет широко, размеренно. Мои босые пятки мелькали в воздухе. Я вцепилась ногтями в его рубашку, но он будто не чувствовал.

— Куда вы меня несёте? Отпустите!

Мужчина толкнул плечом дверь в углу кабинета. За ней оказалась спальня. Сумрачная, с зашторенными окнами, тяжёлым воздухом, который пах деревом и чем-то мускусным. Посередине стояла широкая, застеленная тёмным покрывалом, кровать, с высокой спинкой.

Внутри у меня всё оборвалось.

— Нет, — выдохнула. — Нет!

В тексте есть:

Плен

Одержимость

Жестокий герой

Сильная героиня

Изнасилование

Морально чёрный герой

ХЭ

Дисклеймер!!#

Данная книга содержит сцены физического, психологического и сексуального насилия.

«Жестокость» — это тёмная история. Здесь нет нежных героев и безопасных отношений. Здесь есть боль, принуждение, одержимость и морально неоднозначные поступки.

Если вы ищете роман о здоровой любви — это не он.

Если вы готовы зайти в тёмную комнату и не требовать, чтобы там включили свет, — добро пожаловать.❤#

Не менее горячая книга, про Дану и Мирона —

Содержание

Пролог.	5
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	56
ВИЗУАЛЫ	61
Глава 9	64
Глава 10	73
Глава 11	78
Глава 12	85
Глава 13	92
Глава 14	98
Глава 15	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Пролог.

Милава

Он вошёл в меня одним движением и закричала так, что звук выдался хриплым, низким, нечеловеческим. Тело выгнулось дугой не в порыве страсти, а в попытке сбросить его с себя его слишком тяжёлое тело.

— Какого... — выдохнул он и замер.

Дыхание было частым. По щекам текло, но я не могла назвать плачем то, что происходило. Горячие и отчаянные слезы текли по щекам и я сжимала простыни так, что ткань трещала под ногтями.

Он посмотрел вниз, туда, где было больно. Очень больно.

— Блять, — произнес он, но в голосе прорезалась усмешка. — Ты целка?

Я не ответила. И мужчина стиснул мои бёдра до синяков.

— Я спрашиваю, — его голос стал жёстче. — Ты. Целка. Да?

— Не трогай... — прошептала я.

— Поздно, — он двинулся.

Я захрипела. Резко. Дико. Он прижал меня к кровати весом своего тела, отпустив запястья. Его рука легла на моё горло фиксируя, но не душа.

— Не дёргайся, — сказал он. — Будет больнее.

Я всё равно дёргалась и брыкалась, пытаясь ударить его коленом, но он перехватил ногу, развёл ещё шире, и стало ещё больнее. Я завыла открыто, навзрыд.

Он наклонился и впился в мои губы.

Я никогда не целовалась... Ни с кем. А он засунул язык мне в рот так грубо и глубоко что я чуть не задохнулась от отвращения. Слюна. Запах. Всё это было во мне сейчас.

Я оттолкнула его лицо, он укусил меня за губу, отчего я вскрикнула, а мужчина слизнул кровь и улыбнулся.

— Вкусная, — сказал он. — Очень вкусная.

Его руки двигались по моему телу. Он больно, не лаская сжал грудь. Провёл пальцами вниз по животу, нажал на то место, где вошёл в меня. Я закричала, попыталась отползти, но он схватил меня за волосы и притянул обратно.

— Кайф, — выдохнул он.

Начал двигаться. Медленно, но жёстко. Каждый толчок был как удар и я чувствовала каждую стенку себя, каждую секунду того, как он унижает меня.

Я плакала. Открыто, в голос, не стыдясь слёз с ощущением отвращения к себе — сломанная, сломленная.

— Смотри на меня, — приказал он.

Я зажмурилась. Он ударил по щеке, открытой ладонью. Не сильно, но унизительно.

— Я сказал — смотри.

Я открыла глаза, его лицо было в сантиметре. Глаза, тёмные, расширенные, а губы влажные, с моей кровью. Он улы-

бался. Ему нравилось происходящее. Мужчина реально получал удовольствие от того, как я плачу, дёргаюсь, как бесполезна моя борьба.

— Ненавижу, — выдохнула я.

— Я знаю, — он двинулся быстрее. — От этого ещё слаще.

Его дыхание стало чаще. Он коротко и с хрипом застонал.

— Сожми меня, — потребовал он. — Сожми, блять.

Я не понимала, о чём он. Внутри? Он хотел, чтобы я сжала его внутри себя? Я замерла от отвращения, и он сжал мои бёдра сильнее, и прорычал:

— Скажи "да".

— Нет.

— Скажи.

— Нет.

Он вжался в меня так глубоко, что мир погас перед глазами, а я выгнулась, и закричала. Насильник зажал мне рот ладонью. Я кусала его, но он не убирал.

— Тише, — прошептал он мне в ухо. — Или ты хочешь позвать охранников, посмотреть?

Я всё равно кричала в его ладонь, в себя, и эту проклятую комнату, из которой не было выхода.

Он снова грубо поцеловал меня, потом жадно спустился к шее плечам, кусая и оставляя следы. Я чувствовала, как зубы впиваются в кожу. Чувствовала, как он оставляет на мне свои метки.

— Будешь моей, — сказал он между поцелуями. — Бу-

дешь. Даже не сомневайся.

— Никогда, — прошептала я.

Он засмеялся. Прямо мне в губы. И ускорился.

Его пальцы впились мне в бока. Он трахал меня так, будто я была вещью. Куклой. И я была ею. Потому что не могла ничего сделать.

Царапала его. Оставляла полосы на спине, на плечах. Он не замечал. Или замечал, и ему нравилось.

— Борись, — разрешил он. — Это ничего не изменит, всё уже случилось.

Я била его. Ладонями по груди. Один раз попала в глаз — он остановился на секунду, потрогал его и улыбнулся шире.

— Стерва, — сказал он. И двинулся снова. — Вкусная стерва.

Мои сипы кончились. Я лежала и смотрела в потолок, пока он брал меня. С силой. С наслаждением. Со стоном, который не скрывал.

— Кайф, — повторил он, когда его дыхание сбилось окончательно. — Просто кайф.

Он кончил. Я почувствовала это — горячее, чужое, внутри. Он замер на мгновение, потом выдохнул — длинно, сладко — и вышел из меня.

Я не двигалась. Между ног было мокро. Всё тело болело. Он наклонился. Взял меня за подбородок. Сжал — до хруста в челюсти. Повернул к себе.

— Я не закончил, — сказал он.

И поцеловал.

Так же жёстко, жадно и глубоко, как в первый раз, кусая уже разбитые, опухшие губы. И я чувствовала, как кровь выступает снова.

Я не сопротивлялась больше. Не было сил. Просто лежала, пока он брал мой рот, как только что с наслаждением и правом брал тело.

Он отстранился, посмотрел на меня, облизывая свои губы.

— Теперь всё, — сказал он.

Встал, и мне оставалось лишь слышать его шаги, затем, шорох ткани. Он искал что-то на полу, потом наклонился, поднял моё платье и небрежно вытер себя, будто тряпкой.

Развернулся.

Вышел.

Дверь закрылась.

А я лежала и смотрела на комок розовой ткани в трёх шагах от кровати, со следами спермы и крови.

И думала о том, что если бы я знала, чем всё кончится, то перерезала бы вены ещё в той комнате, где пахло домом.

_____

Всем привет! ❤#

Добро пожаловать в мою новую историю! Она будет темнее, чем всё, что я писала раньше. Это вызов для меня. Шаг

в тень!

Здесь не будет простых решений, лёгкого прощения и безопасной любви. Будет боль. Будет власть. Будет одержимость.

Я знаю, на что иду, — и буду бесконечно благодарна каждому, кто пройдёт этот путь рядом со мной. Ваши *звёздочки и комментарии*— мой свет в этой темноте.

ТГК: Rika_Asta

С любовью, Рика Аста ##

Глава 1

В комнате пахло яблоками. Это был запах старого деревянного дома, который ещё помнил мамины руки. Она любила это место, поэтому всегда говорила: «В панельках души нет, а у нас — есть».

Я сидела на кровати, поджав ноги, и листала ленту. На экране — подруга с котом, однокурсник с гитарой, фото тортика из кафе, где я была в прошлую пятницу. Всё как всегда. Тысячи таких вечеров. Обычных. Скучных. Но от этого — не менее прекрасных.

Я поставила лайк подруге и написала: «Красотка». Отправила.

Ответ пришел почти сразу.

«Спасибо! В 10 в клубе, не опаздывай скромняшка»

Внизу что-то зашумело, у входной двери. Я подняла голову забыв про телефон и прислушалась.

Может, доставка еды приехала или посылка.

Но папа бы позвал. Он всегда так делал, когда приходило что-то на моё имя. «Мила, это тебе!», и голос у него становился почти мамин, такой же тёплый, когда он радовался за меня.

После мамы… после того, как её сердце остановилось год назад, кухня стала чужой. Она умела готовить так, что дом пах счастьем. Борщ, который она томила три часа. Пирог с

яблоками, которые она резала тонкими дольками и выкладывала узором, говоря: «Любовь начинается с красоты».

Теперь мы ели гречку и макароны. То, что можно сварить и не думать. Не вспоминать...

Мамины рецепты до сих пор лежали в синей картонной коробке из-под обуви. Которую я открыла один раз, через месяц после похорон. Там была закладка и мамин почерк, тонкий, с кудрявыми буквами: «Пирог "Нежность"». Закрыла, и заплакала прямо стоя у холодильника. Папа вошёл, обнял меня, и мы так и стояли молча, долго, пока чайник не закипел и не наполнил комнату диким свистом.

С тех пор коробку не трогали...

Я ждала. Тишина.

Странно...

Может, соседка зашла, тётя Валя иногда приносила молоко или домашний творог, повторяя: «Милка, ты худая совсем, ешь». Но она всегда кричала с порога: «Роман, открывай, молоко прокиснет!» А тут, тишина.

Потом я услышала голоса.

Папа говорил, глухо и неразборчиво. И второй голос, мужской, чужой, но… знакомый. Я его не слышала уже очень давно, примерно с маминых похорон. Когда он, в чёрном пальто обнимал отца у могилы, и папа тогда не отстранился, хотя обычно не любит, когда его трогают.

Дядя Стас.

Я встала. Босиком. Бесшумно. Подошла к двери и приот-

крыла её. Лестница вниз была старой, скрипучей, но я знала, куда наступать. Мама научила. Ещё маленькой, когда я подслушивала её разговоры по телефону, а она делала вид, что не замечает меня.

Я села на верхнюю ступеньку. Так, чтобы меня не было видно.

Отец стоял в прихожей. Спина прямая, плечи сведены — я видела, как напряжены мышцы даже отсюда. Перед ним — мужчина. Дядя Стас. Он выглядел старше. И злее. Глаза запали, под ними — тени.

— Стас, проваливай, — отец сказал это спокойно. Слишком спокойно. Когда папа так говорит — лучше не спорить.

— Ром, ты даже не дослушал, — дядя Стас не двигался. — Я пришёл миром. Мне нужна помощь, — он шагнул вперёд. Отец не посторонился. Они стояли почти вплотную. — Я вляпался. Крупный человек. Очень крупный. Она просто поживёт у него какое-то время. Пару недель. Месяц. Здесь ничего такого нет, ну побудет она там и вернётся. Он её и пальцем не тронет. Я его знаю. Он только показать хочет, что я свой. Что могу отдать…

— Пошёл вон.

— Ром, прошу. Ради наших хороших отношений. Ради того, что мы братья. Спаси меня.

— Я сказал — пошёл вон.

Отец развернулся к двери. Я смотрела как дрожит его рука. Он выглядел старше, чем год назад. Мамина смерть за-

брала не только её.

— Ты пожалеешь. Ты очень пожалеешь. — дядя Стас сказал это тихо. Спокойно.

Отец не обернулся.

Дверь хлопнула. Стекло в рамке жалобно звякнуло.

В голове крутились обрывки: пару недель, он её и пальцем не тронет, спаси меня.

О ком они говорили? О какой-то женщине, которую хотят куда-то отправить. Кому-то, кого боится даже богатый дядя Стас.

Не моё дело.

Внизу зашаркали шаги. Отец прошёл в прихожую, остановился. Я слышала его дыхание — тяжёлое, прерывистое.

— Пап? — позвала я, спускаясь.

Он стоял ко мне спиной. Плечи опущены. Не оборачивался долго — секунду, две, три. Потом повернулся.

Лицо усталое. Глаза красные — то ли от бессонницы, то ли от того, что он сдерживал что-то, чему не хотел давать выхода.

— Всё хорошо, Мила, — сказал он. Голос ровный, слишком ровный. — Дядя Стас… рассудком, видимо, помутился. Не обращай внимания.

— О чём он говорил? — спросила я.

— Ни о чём, — перебил он.

Он не смотрел на меня. Он смотрел мимо — в стену, в окно, куда угодно, только не мне в глаза.

Я хотела спросить ещё. Про то, почему дядя Стас умолял о спасении. Про то, от кого он просил защиты. Про то, почему у меня внутри так мерзко, хотя это вообще не моё дело.

Но папа уже развернулся и пошёл на кухню.

Я пошла за ним.

— Ты не скажешь мне, да? — спросила я, хотя знала.

— Не бери в голову, — ответил он, не поднимая головы от тарелки.

Я не брала.

Но внутри всё равно мерзло. Какая-то смутная тревога, которой не должно было быть.

Я отогнала её.

Глава 2

Стемнело быстро. Только что за окном было серо, и вдруг стало черно. Фонарь у дома зажёгся сам, тусклый, с жёлтым налётом.

Папа стоял в прихожей и зашнуровывал тяжелые ботинки с металлическим носком, которые завод выдал два года назад, и он берёг их как зеницу ока. Наклонился, сопел, а я смотрела на его широкую спину, обтянутую старой серой футболкой, что немного выцвела от стирок, но он ее не выбрасывал. Мама покупала. Как и всё в этом доме, куплено её руками, выбрано её сердцем.

— На две смены? — спросила я, хотя знала ответ.

Он разогнулся, поморщился, спина болела после сорока пяти, но он не жаловался. Говорил: «Работа у меня не тяжёлая, Мил. Скучная».

Сталелитейный цех. Смены по двенадцать часов. Летом, там плавился асфальт под ногами, зимой гуляли сквозняки. Он работал оператором станка, который резала металл так, что искры летели до потолка. Я один раз приезжала к нему с мамой, ещё маленькая, и запомнила: грохот стоит такой, что земля дрожит. А папа стоит спокойный, сосредоточенный, и руки у него двигаются плавно, привычно. Он там был как часть машины — надёжный и точный.

Теперь мамы нет, а папа всё так же уходит в ночь. Потому что за две смены платят больше, и нужно тянуть дом, налоги, мою учёбу.

— На две, — ответил он и посмотрел на меня. — Ты слышала, что я сказал?

— Слышала.

— Повтори.

Я вздохнула. Вот так всегда. Мне девятнадцать, а он разговаривает со мной как с ребенком.

— Из дома ни ногой, — послушно повторила я. — Дверь на цепочку. Никому не открывать. В десять позвонишь.

— В девять, — поправил он.

— Пап, ну какая разница...

— Мила, — он посмотрел на меня тем взглядом, который я знала с детства, — я сегодня весь день как на иголках. Пожалуйста. Просто сделай как я прошу.

Я замолчала. Он никогда не говорил. Дядя Стас напугал его сильнее, чем он хотел показать.

— Хорошо, — сказала я тихо. — В девять.

Он кивнул. Взял с тумбочки ключи от машины, старой «Лады», которая заводилась с пятого раза. Сунул в карман куртки телефон и пачку сигарет, хотя бросил три года назад. За последний год, я пару раз чувствовала запах табака от его куртки. Не спрашивала. Он имел право.

— Завтра утром яичницу пожарю, — сказал он уже от двери и чуть улыбнулся. — Как ты любишь. С помидорами.

— Буду ждать, — сказаая и и он вышел за дверь.

Я накинула цепочку и прислушалась к тому, как его шаги спускаются с крыльца. Тяжёлые шаги. У него была немного косолапая походка — левая стопа чуть загребала внутрь. Я знала этот звук с детства. Им можно было мерить время: вот папа ушёл на работу, вот папа вернулся.

Я стояла в тишине минуту. Может, две, пока на телефоне загорелся экран.

«Ну чё ты? Готова?»

Я не говорила папе про клуб. Не потому что врала. Просто... он бы не понял. Он бы сказал: «Какие танцы, Мила? Там пьяные, там опасно». И я бы осталась дома, потому что не умею с ним спорить. А я хотела танцевать. Хотела выдохнуть. Хотела хоть один вечер побыть просто девятнадцатилетней девчонкой, которой хочется громкой музыки и смеха.

Сказала себе: «Я вернусь в двенадцать. Он даже не узнает».

И пошла собираться.

Включила свет в комнате. Платье ждало меня. Розовое, облегающее, но скромное — ни глубокого выреза, ни открытой спины. Просто мягкий трикотаж, который обнимал тело как вторая кожа. Я купила его месяц назад, с первой стипендии, и ещё ни разу не надевала. Боялась.

Скинула домашнюю футболку. Провела ладонями по плечам — кожа была прохладной, мурашки побежали от сквозняка. Потом натянула платье. Оно село идеально.

И встала перед зеркалом.

На меня смотрела девушка, которую я не всегда узнавала. Миниатюрная, тонкая в кости, с едва небольшой грудью и узкими бёдрами, которые платье очертило мягко, нежно. Длинные волосы — тёмно-русые, почти каштановые, — спускались ниже лопаток и лежали волнами. Я не завивала их — они сами, если дать им высохнуть на воздухе.

Лицо было бледным после зимы. Зелёные глаза смотрели серьёзно, как всегда, но сегодня в них было что-то ещё — азарт? Любопытство? Пухлые губы, которые я иногда кусала, когда волновалась, и, ровные, тёмные брови, чётко очерченные, будто их провёл по линейке художник. Я никогда их не выщипывала. Никогда не красила. Они были такими от природы — и это, пожалуй, было единственное в моей внешности, что я по-настоящему любила.

Я взяла с подоконника помаду. Розовую, почти прозрачную, с лёгким блеском. Открыла. Понюхала — пахло ванилью и чем-то неуловимо косметическим. Провела по губам. Они стали чуть ярче, чуть сочнее. Будто я уже целовалась сегодня.

Потом взяла телефон, написала подруге: «Выхожу». И сунула в сумочку всё, что нужно: ключи от дома, телефон, помаду, немного денег.

Я накинула куртку — весной, ночью холодно. Подошла к двери.

И замерла.

В голове стукнуло: «Из дома ни ногой».

Я стояла секунду. Две. Три. Где-то тикали часы — старые, с кукушкой, которая не куковала уже года три. Я слышала, как в холодильнике загудел мотор. Как за окном проехала одинокая машина.

А потом, сказала себе то, что говорят себе все взрослые дети перед тем, как сделать глупость: «Ничего не случится».

И открыла дверь.

Парк встретил меня тишиной. Фонари горели через один — два на весь вход, ещё один где-то в глубине аллеи, и тот мигал, будто вот-вот погаснет. Я шла быстро. Каблуков не надела — кроссовки, потому что после клуба всё равно идти пешком домой. Это был парк моего детства: заросший пруд с утками, деревянные скамейки, на которых мы когда-то ели мороженое втроём.

Сейчас он был чужим. Чёрные деревья стояли голыми и шуршали голыми ветками. Под ногами хрустели остатки мокрого снега. Пахло сыростью и подступающей весной.

Я писала Даше на ходу: «Иду через парк, буду минут через десять».

Она ответила смайлом и бокалом.

Я улыбнулась. Убрала телефон в сумочку. Застегнула молнию.

И тогда услышала шаги.

Не свои. Чужие. Быстрые. Сзади, метрах в десяти, может, ближе.

Я хотела обернуться. Не успела.

Чья-то рука зажала мне рот — грубо, всей ладонью, так что зубы впились в кожу. Я дёрнулась, попыталась закричать, но вышел только сдавленный хрип. Второй схватил меня за плечи, рванул в бок, в тень, в кусты, куда не доставал жёлтый свет фонарей. Я успела лягнуть одного — попала в голень, он будто не почувствовал. Успела дёрнуть головой и освободить рот на секунду.

— Помо...

Ладонь легла снова, жёстче, и мой крик утонул в чужой плоти. От него пахло металлом и кожей.

Я не сдавалась. Царапалась.

Правая рука была свободна — куртка задралась, платье натянулось пока меня тащили, и я достала до его лица. Ногти у меня короткие, но острые. Я вонзила их во что-то тёплое — щёку, кажется, — и рванула вниз изо всех сил.

Мужчина зашипел, как змея, сквозь зубы.

— С-сука, — выдохнул он. — Царапается...

— Держи её, — сказал второй спокойно. — Да не лицо, придурок! Отверни!

Первый перехватил мою руку, вывернул запястье — больно, до искр из глаз. Я всё ещё брыкалась. Сумочка болталась на плече, била меня по бедру. Вокруг шуршали кусты, хрустели ветки, и весь этот шум казался мне оглушительным, хотя на самом деле он был тих и не достигал ничьих ушей.

Меня тащили к машине. Я увидела её сквозь листву —

тёмный внедорожник, припаркованный с другой стороны парка, там, где дорога упирается в тупик. Задняя дверь была открыта. В салоне горел тусклый свет.

Я ударила ещё раз. Локтем назад, в корпус тому, кто держал меня за плечи. Он охнул, но не отпустил. Тогда я вцепилась зубами в ладонь, которая зажимала мне рот — прокусила до крови.

— Блядь! — теперь уже не шипел, выругался в полголоса.

И в этот момент меня втолкнули в машину.

Я упала на сидение. Сумочка задралась мне под подбородок, ремешок впился в шею. Я хотела отползти к другой двери, но там уже сидел кто-то третий. Я не увидела его лица — просто силуэт, тёмный и большой. Он схватил меня за плечо и прижал к сидению.

— Не дёргайся, — сказал он тихо.

Первый мужчина ввалился следом, захлопнул дверь. Я увидела его на секунду в свете салонной лампочки: шрам — четыре свежие борозды поперёк левой щеки.

— Тварь, — сказал он и замахнулся.

Но ударить не успел. Третий перехватил:

— Не калечить. Приказ.

А потом я почувствовала резкий запах спирта, холод на плече — мне задрали рукав куртки, — и острую боль от укола.

— Вот так, — сказал тот, что держал меня, почти ласково. — Сейчас уснёшь, красавица.

Я попыталась вырваться снова, но тело уже не слушалось. Сначала онемели пальцы, потом ноги. Потом перед глазами поплыли чёрные пятна — они росли, сливались, затягивали фонарь, лица, салон.

Последнее, что я услышала — как тот, кого я поцарапала, всё ещё шипит и трогает щёку.

И голос третьего:

— Поехали. Шеф ждёт.

Машина дёрнулась.

Темнота накрыла меня мягко, как одеяло перед сном.

Только в этот раз я не знала, проснусь ли.

Глава 3

Сознание возвращалось медленно. Сначала — свет. Красноватый, пульсирующий сквозь веки. Потом — звук. Где-то далеко пела птица. Одна. Вторая. Третья подхватила, и целый хор рассыпался за окном трелями. Весенние. Мартовские. Нахальные.

Я открыла глаза.

Потолок был чужим. Высоким, с лепниной по углам. У нас дома была простая побелка и трещина, которая шла от люстры к стене. Здесь всё было ровным, дорогим, чужим.

Я резко села — и застонала. Голова закружилась. В висках стучало. Во рту пересохло. Я облизала губы — они пахли ванилью. Розовая помада, которую я нанесла перед выходом. Значит, это было вчера. Или сегодня?

Комната оказалась небольшой, но добротной. Широкая кровать с кованым изголовьем, белое постельное бельё — хрустящее, накрахмаленное. Одеяло сбито в ногах, я всё в том же розовом платье — помятом. Куртки нет.

Сумочка. Где сумочка?

Я огляделась. Светлые однотонные обои. Тяжёлые шторы цвета слоновой кости. Письменный стол у окна, на нём пустая ваза и стакан с водой. Я не притронулась. Тёмный паркет, комод. Рядом — дверь в ванную, виднелся белый кафель.

Входная дверь. Я подошла — заперто.

Прижалась лбом к дверному полотну, закрыла глаза. Всё вспыхнуло в памяти: парк, шаги, чужие руки, шипение мужчины, укол, темнота. Меня передёрнуло. Я обхватила себя руками. Плакать нельзя.

Я села на кровать и стала ждать.

Прошёл час. Может, два. Телефона не было. Тишина в доме стояла такая, будто все вымерли.

А потом раздались шаги. Тяжёлые, мужские. Лязгнул замок. Я отшатнулась к окну.

На пороге стоял... охранник? Здоровый, с бычьей шеей и руками, которые едва помещались в рукава чёрного пиджака. Лицо широкое, с перебитым носом и маленькими равнодушными глазками. Он смерил меня взглядом — как мебель, — и сказал:

— Пошли.

— Куда? Что происходит? — голос дрогнул.

Он не удостоил ответом.

— Либо ты идёшь сама, либо потащу. Выбирай.

Я сглотнула. Он не шутил. Я не хотела, чтобы меня трогали и пошла.

Коридор был широким, с окнами в пол. Темный деревянный пол, кремовые стены, несколько картин в тяжёлых рамах — пейзажи. Безлюдно. Мы спустились по лестнице в просторный холл. Мраморный пол в шахматную клетку, большая бронзовая люстра, у стены — холодный камин.

Мордоворот подвёл меня к высокой двустворчатой двери, с бронзовой ручкой в виде змеи. Постучал.

— Войдите, — донеслось изнутри. Голос низкий, спокойный.

Дверь открылась. Я шагнула внутрь.

Кабинет. Высокие окна в сад. Вдоль стен — стеллажи с книгами. Настоящими, с потёртыми корешками. Массивный письменный стол. За ним — мужчина.

Я замерла.

Он сидел, откинувшись в кресле, и смотрел на меня спокойно, не мигая. Крупный мужчина. Широкие плечи, сильные руки с закатанными до локтей рукавами тёмно-серой рубашки. На запястье — часы на тёмном ремешке.

Тёмные волосы зачёсаны назад, одна прядь падала на лоб. Черты лица резкие: широкий лоб, прямая линия носа, тяжёлая челюсть. Губы красиво очерчены, сжаты в лёгкой усмешке. Кожа смуглая, будто в нём была южная кровь. И глаза — голубые, светлые, ледяные. Они смотрели на меня из-под тёмных бровей и совсем не сочетались с остальным. Это было красиво. И страшно.

Я же, стояла перед ним босая, в мятом платье, и чувствовала, как колотится сердце где-то в горле. Он молчал. Просто смотрел на меня и молчал. Тишина давила, заполняла кабинет, забиралась под кожу.

— Что происходит? — мой голос прозвучал тихо. — Почему я здесь?

Он не ответил.

— Где я? Что вам от меня нужно?

Тишина.

— Вы меня слышите? — голос дрогнул. — Меня схватили на улице, усыпили, привезли сюда. Кто вы? Что это за место?

Голубые, ледяные глаза обжигали холодом. Они скользили по моему лицу без всякого интереса. Было видно, что мужчина не в духе.

— Побудешь здесь, — сказал он. — Потом решу, что с тобой делать. Свободна.

И отвёл взгляд к бумагам на столе.

Внутри у меня похолодело. От страха и непонимания.

— Что значит «побудешь»? — я сжала кулаки. — Я не вещь. Вы не имеете права. Мой отец будет искать меня, поднимет шум. Полиция...

Он поднял глаза. Снова. На этот раз в них мелькнуло раздражение.

— У меня есть друзья, — продолжала я быстрее, чувствуя, как дрожат пальцы. — Я написала им перед выходом. Если я не буду отвечать, они пойдут к отцу. Меня будут искать. Похищение человека — это уголовное дело.

— Ты закончила? — спросил он.

— Нет.

— Жаль.

Он встал.

Глава 4

Кресло отъехало назад с глухим стуком. Мужчина поднялся во весь рост — огромный, широкий, обогнул стол и пошёл на меня.

— Не подходите... — я попятилась.

Но он не слушал. Я почувствовала его запах — терпкий, мужской. Он смотрел на меня сверху вниз. Голубые глаза больше не были ледяными. Они потемнели. Стали другими.

— Я не боюсь вас.

— Зря, — ответил он чуть наклонив голову и его руки сомкнулись на моей талии, а пол ушёл из-под ног. Я взвизгнула, забилась в воздухе, попыталась вырваться — он прижал меня животом к своему плечу.

— Отпустите! — я ударила кулаком по спине. Ещё раз. Ещё.

Он не реагировал. Шагал через кабинет широко, размеренно. Мои босые пятки мелькали в воздухе. Я вцепилась ногтями в его рубашку, но он будто не чувствовал.

— Куда вы меня несёте? Отпустите!

Мужчина толкнул плечом дверь в углу кабинета. За ней оказалась спальня. Сумрачная, с зашторенными окнами, с тяжёлым воздухом, который пах деревом и чем-то мускусным. Посередине стояла кровать. Широкая, застеленная тёмным покрывалом, с высокой спинкой.

Внутри у меня всё оборвалось.

— Нет, — выдохнула. — Нет!

Я начала вырываться всерьёз. Била ногами, извивалась, пыталась дотянуться до его лица. Он перехватил меня жёстче, сжал так, что рёбра затрещали, и бросил на кровать.

Я ударилась спиной о матрас, подпрыгнула, попыталась сразу же вскочить. Он толкнул меня обратно — ладонью в плечо, неумолимо. Я снова попыталась подняться. Он снова толкнул.

— Лежи, — сказал он.

— Не трогайте меня!

Я рванулась в сторону, поползла к краю кровати. Он поймал меня за лодыжку — пальцы сомкнулись как капкан — и потянул обратно. Я закричала, вцепилась в покрывало. Мужчина дёрнул сильнее. Мои пальцы соскользнули. Я оказалась на спине, а он навис сверху, упираясь коленом в матрас между моих ног.

— Не делайте этого, — сказала я быстро, сбивчиво. — Пожалуйста. Остановитесь. Я ничего не расскажу. Пожалуйста.

А он просто смотрел на меня. Лицо спокойное, почти скучающее. Только желваки на скулах ходили туда-сюда.

И тут меня осенило. Женщина, о которой говорил дядя... Я?

— Вы не имеете права, — продолжала я. — Это из-за дяди? Я здесь ни при чём. Отпустите меня. Прошу.

Он молчал.

— Почему вы, богатый и сильный, воюете с девятнадцатилетней девчонкой... Как... трус...

Пощёчина.

Голова дёрнулась в сторону — резко, хлёстко. В ухе зазвенело. Я не успела вдохнуть, как вторая ударила по той же щеке — ещё больнее, ещё злее. Из глаз брызнули искры. Во рту появился металлический привкус. Я замерла, оглушённая, чувствуя, как кожа на скуле наливается жаром.

Он взял меня за подбородок. Сильно, до боли в челюсти. Повернул лицом к себе.

— Закрой рот, — сказал он тихо.

Я попыталась вырвать подбородок из его пальцев — он сжал крепче, так что я застонала.

Я собрав все силы ударила его. С размаху, кулаком в челюсть. Голова чуть качнулась. Он моргнул. На лице мелькнуло что-то тёмное, опасное. Я брыкалась, пыталась лягнуть его коленом — он навалился всем телом, вдавливая меня в матрас. Лёгкие сжались. Я не могла вздохнуть.

— Сама напросилась, — сказал он мне в ухо.

Мощная рука скользнула к вороту платья. Он захватил ткань в кулак и рванул, платье разошлось с отвратительным треском. Холодный воздух коснулся живота, груди. Я закричала, забилась под ним — он даже не пошевелился

— Не трогайте! — кричала я. — Не трогайте меня!

Мужчина расправлялся с одеждой методично, кусок за

куском. Я вырывалась, а он просто делал своё дело. Когда платье сползло к бёдрам, он сдёрнул его и бросил на пол.

Я осталась в одном белье. Дышала как загнанный зверь. Попыталась отползти к изголовью — он поймал меня за бедро и вернул на место. Его большой палец вжался в нежную кожу над резинкой трусиков. Я вздрогнула от отвращения.

— Убери руки, — прохрипела я.

Он не слушал. Его ладонь прошлась по моему животу — медленно, с нажимом. Кожа была сухой и горячей, как нагретый на солнце камень. Я попыталась перехватить его руку, он отшвырнул мои пальцы легко, как пушинку. Потом ладонь скользнула ниже, к резинке белья. Он захватил кружево и рванул. Оно лопнуло сразу — тонкая ткань не выдержала. Я почувствовала, как резинка больно впилась в бедро и порвалась. Он смял бельё в кулаке и швырнул на пол, к платью.

Я осталась голой. Совсем.

Я попыталась закрыться — хотя бы руками. Он перехватил мои запястья, завёл мне за голову и прижал к матрасу одной рукой. Крепко, как стальной хомут. Я попыталась вырваться — он даже не напрягся. Его пальцы даже не сжались сильнее. Просто держал. И этого хватало.

— Так лучше, — сказал он.

Свободная ладонь легла на моё колено. Я дёрнулась, но он держал крепко. Двинулась вверх по бедру — неспешно, ощупывая каждый сантиметр. Пальцы были горячими, с твёрды-

ми подушечками, и от этого становилось ещё страшнее.

— Не трогайте, — повторила я, но голос уже сорвался.

Мужчина не ответил. Его рука скользнула выше, к внутренней стороне бедра. Я сжала колени изо всех сил. Он развёл их обратно — легко, без усилий, просто надавив. Большой палец лёг на кожу с внутренней стороны, туда, где вена ближе всего и я почувствовала свой собственный пульс — быстрый, панический, загнанный.

— Тише, — сказал он.

Он двинулся дальше. К лону, где я была открыта и беззащитна. Я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли красные круги. Он не ласкал. Проверял.

— Сухая, — сказал он вслух, будто отмечал факт. — Ну ничего.

Я открыла глаза — и увидела, как его руку, которая только что трогала меня там, движется к моему лицу. Я не успела отвернуться. Он протолкнул два пальца мне в рот, заставив почувствовать их вкус.

Я замычала, замотала головой, попыталась вытолкнуть их языком. Он надавил глубже, почти до корня. И тогда я сжала челюсти.

Я кусала изо всех сил. Но до того, как его плоть поддалась под моими зубами, он резко вырвал пальцы. И сразу же ударил.

Пощёчина пришлась по другой щеке. Ещё более хлёсткая, чем первые две. Голова мотнулась в сторону, из глаз брыз-

нули слёзы — не от боли, просто рефлекс. В ушах зазвенело так, будто кто-то ударил в колокол прямо над головой. Левая скула вспыхнула огнём, и теперь горели обе щеки. Я задышала часто-часто, пытаясь справиться с болью.

Он поднес её к лепесткам, смазывая вход. При этом глядя мне в глаза.

Мужчина отпустил мои запястья и выпрямился, возвышаясь надо мной. Я попыталась отползти к изголовью, но тело не слушалось. Руки затекли после его хватки, и я просто лежала и смотрела на него снизу вверх.

Он не торопился. Щелчок. Металлический язычок вышел из отверстия. Он потянул ремень из шлеек — кожа зашуршала о ткань брюк. Медленно. Издевательски медленно. Ремень упал на пол с глухим стуком.

Звук был резким, металлическим, и от него всё внутри сжалось в ледяной ком.

Он не сводя с меня глаз, спустил брюки и я увидела его член — твёрдый, крупный, пугающий, осознавая неизбежность своих страданий. Тёмные волосы внизу живота, сильные бёдра, колени, которыми он раздвигал мои ноги. Я не могла отвести взгляд от этого чужого тела, которое надвигалось на меня, как неизбежность.

— Нет, — прошептала я, мотая головой. — Нет, нет, нет...

Мучитель снова перехватил мои запястья одной рукой, завёл над головой и прижал к кровати. Его лицо оказалось прямо перед моим. От него пахло чем-то животным необуздан-

ным. Глаза были тёмными, почти чёрными, и в них горел голод.

Я ударила его коленом в бок. Попала неудачно, соскользнула. Он перехватил бедро, сжал до боли, развёл ноги шире. Я закричала — громко, отчаянно, надеясь, что кто-то услышит. Он наклонился, и его губы почти коснулись моего уха.

— Тебе никто не поможет, — прошептал он, я почувствовала как его член упирается в моё лоно.

Сцена из пролога

Глава 5

Он вышел. Дверь закрылась. Щелчок замка. Тишина.

Я осталась лежать там, где он меня бросил — на скомканном покрывале, среди обрывков платья и пятен крови. Чужой запах всё ещё витал в воздухе — тяжёлый, животный, с примесью железа. Он впитался в простыни, в мою кожу, в волосы.

Тело болело. Везде. Запястья ныли после его хватки. На горле, там, где он держал меня пальцами, наверняка оставались синяки. И между ног — саднящая, разрывающая боль, которая пульсировала в такт сердцу.

Я лежала и смотрела в потолок. Там была лепнина — та же, что я заметила утром в другой комнате, когда проснулась впервые в этом доме. Завитки, листья, цветы. Сто лет назад какой-то мастер вырезал их по гипсу, стараясь, чтобы вышло красиво. Чтобы кто-то жил здесь и радовался.

Я не радовалась.

Внутри было пусто. Не больно — боль придёт позже, когда я дам ей волю. А сейчас внутри была тишина. Я заставила себя сесть. Движение отозвалось болью в низу живота — острой, как лезвие. Я замерла, пережидая. Потом спустила ноги на пол. Паркет был холодным. Приятным. Я посидела так минуту, чувствуя, как прохлада поднимается от ступней

к щиколоткам, к коленям, и заземляет меня. Возвращает в тело.

Потом встала.

Ванная нашлась за узкой дверью справа от кровати. Я не помнила, как дошла до неё, — просто в какой-то момент обнаружила себя стоящей на холодном кафеле перед большим зеркалом. Оттуда на меня смотрела чужая девушка. Со спутанными волосами. С алыми пятнами на скулах. С разбитой губой, на которой запеклась кровь. На шее проступали отпечатки пальцев. На запястьях — такие же. А ниже — синяки на бёдрах, там, где он держал меня, когда разводил ноги.

Вода была почти ледяной. Я просто встала под струи и дала им хлестать себя по плечам, по спине, по животу. Холод обжёг кожу, но мне было всё равно. Я смотрела, как вода стекает в слив, и вместе с ней уходит что-то тяжёлое. Не всё. Не главное. Но хотя бы верхний слой грязи. Запах. Пот. Кровь.

Я стояла долго. Пока зубы не застучали. Пока пальцы не сморщились. Пока не почувствовала, что кожа стала моей. Не чистой — нет. Чистой она будет не скоро. Но моей.

Я выключила воду. Вытерлась жёстким полотенцем и вернулась в комнату.

Там ничего не изменилось.

И я вдруг почувствовала, как внутри что-то поднимается. Не слёзы. Не крик. Что-то другое. Холодное. Спокойное. Твёрдое.

Я села в кресло у окна. Обхватила колени руками. И сказа-

ла вслух то, что должна была сказать, чтобы это стало правдой:

— Я тебя уничтожу. Ты будешь ползать у меня в ногах и молить о прощении.

Голос был хриплым, чужим. Горло саднило от крика.

— Ты меня не сломал. Я жива. Я дышу. И когда-нибудь я отсюда выйду.

Слова упали в тишину и остались там. Я не знала, как выйду. Не знала, когда. Не знала, что с папой, с дядей Стасом, с этим домом и его хозяином. Но я знала одно: он заплатит. Не сегодня. Не завтра. Может, не скоро. Но он заплатит за каждую пощёчину, за каждый синяк, за каждое прикосновение.

***

Я сидела в кресле.

Глубоком, старом, с вытертыми подлокотниками — дерево проступало сквозь тёмный лак, как мясо сквозь истончившуюся кожу. Кресло пахло пылью, табаком и чем-то ещё — едва уловимым, мужским. Его запахом. Я не стала пересаживаться. Просто сидела, поджав под себя ноги, смотрела в стену и запрещала себе думать. Мысли всё равно лезли — обрывочные, страшные, — но я обрывала их, как гнилые нитки. Не сейчас. Сейчас надо дышать. Смотреть на блики на полу. Считать паркетные досточки. Снова дышать. Снова считать.

Дверь открылась без скрипа, но я всё равно вздрогнула — всем телом, до дрожи в пальцах, — и вжалась в спинку кресла. Сердце ударило под горло.

Это был не он.

На пороге стояла горничная, которую я видела мельком, когда меня вели по коридору. Тёмные волосы собраны в тугой узел на затылке, ни одна прядь не выбивается. Белый фартук поверх серого платья. Лицо спокойное, вышколенное — человека, которого учили не видеть лишнего. Но глаза… В глазах что-то дрогнуло, когда она посмотрела на меня. Что-то быстрое, как рябь на воде, и тут же исчезло.

— Вам нужно перейти в другую комнату, — сказала она ровным, хорошо поставленным голосом. — Сейчас вы находитесь в спальне господина Тарханова.

Я молчала. Спальня господина Тарханова. Вот где он меня бросил. В своей постели. Как вещь, которую распаковали и оставили пылиться до следующего раза. Я обвела взглядом комнату — теперь, зная, чья она, я видела её иначе. Тёмные стены. Тяжёлые шторы. Минимум мебели: кровать, кресло, шкаф, столик у окна — всё добротное, дорогое, но безликое. Комната человека, который здесь не живёт, а ночует.

— Как вас зовут? — спросила я.

Мой голос прозвучал хрипло, горло ещё саднило после крика. Горничная замерла на секунду — вопрос явно выбивался из инструкции.

— Вера, — сказала она, и в голосе прорезалось что-то че-

ловеческое. — Вы можете сказать, если вам что-то нужно, и я сделаю.

— Ясно, — сказала я.

Мы встретились глазами. И я увидела это снова — жалость. Самую настоящую, живую, которую невозможно спрятать за вышколенным лицом и прямыми плечами. Она знала, что здесь произошло. Знала и молчала. Может, боялась. Может, просто делала свою работу, чтобы прокормить кого-то там за пределами этого дома.

Я встала. Движение отозвалось болью в низу живота — тупой, ноющей, — и я на секунду замерла, пережидая. Потом сделала шаг к двери. Полотенце, которое я обмотала вокруг тела после душа, ослабло и съехало на пару сантиметров. Я поправила его машинально.

Вера вздохнула.

Тихо, сдавленно, тут же зажав рот ладонью, будто этот звук вырвался сам, против её воли. Её глаза расширились и уставились куда-то ниже моей талии. Я опустила взгляд.

По внутренней стороне бедра текла кровь.

Тонкая алая дорожка спускалась вниз, к колену, и капля уже сорвалась и упала на паркет. Я смотрела на неё и не чувствовала ничего — только пустоту и холод где-то в груди.

— Я сейчас, — пробормотала она и выскочила за дверь.

Щелчок замка.

Я постояла минуту, глядя на закрытую дверь. Потом развернулась и пошла в ванную.

Вода на этот раз была тёплой. Я встала под струи, упёршись ладонями в кафель, и смотрела, как розовые разводы утекают в слив. Кровь не пугала — я понимала, что это последствия, что так бывает после первого раза, особенно такого. Но видеть её на себе было невыносимо. Будто он всё ещё был здесь. Будто всё ещё трогал меня.

Я намылилась гелем — первым, что попался под руку. Его гелем. Запах был терпкий, древесный, и от него к горлу подкатила тошнота. Снова тёрла кожу мочалкой до красноты. Лицо. Шею. Плечи. Грудь. Живот. Бёдра.

Выключила воду. Вытерлась — нашарила единственное полотенце на крючке. Оно было влажным после первого раза, но другого не было. Надеть было нечего.

Я оглядела ванную. Ничего. Только халат висел на крючке — тёмно-синий, махровый, большой. Его халат.

Я стояла и смотрела на него целую минуту. К горлу подступал ком. Я не хотела к нему прикасаться. Не хотела, чтобы его вещь касалась моей кожи.

Но оставаться голой было хуже.

Ткань была тяжёлой, мягкой. Просунула руки в рукава — они оказались мне до кончиков пальцев. Запахнула полы, затянула пояс. Халат висел на мне, как на вешалке. Я была миниатюрной, а он — огромным. Ворот доходил до подбородка. Рукава пришлось закатать в несколько оборотов. Я чувствовала себя ребёнком, который надел отцовскую одежду. Только это был не отец.

Запах ударил в нос сразу.

Терпкий, древесный, с чем-то мускусным. Я почувствовала, как желудок сжимается в тугой узел. Страх и отвращение поднялись одновременно — горячей волной, которую я с трудом подавила. Дыши. Просто дыши.

Я зажмурилась на секунду, потом открыла глаза и посмотрела в зеркало. Из него смотрела бледная девушка в огромном синем халате. Влажные волосы — длинные, тёмно-русые, волнистые — спадали по плечам и спине, оставляя на махровой ткани мокрые дорожки. Я не заплетала их. Не было сил. Просто откинула назад, чтобы не лезли в лицо. Капли воды срывались с кончиков и падали на пол.

Я вышла из ванной.

И замерла на пороге.

Комната была другой. Кровать застелена свежим бельём — белым, хрустящим, без единой складки. Покрывало разглажено. Подушки взбиты. Обрывков платья на полу нет. Белья нет. Его рубашки нет. Всё исчезло, будто ничего не было. Будто комната проглотила всё, что он сделал.

Вера стояла у окна. Рядом с ней — мужчина. Лет сорок, залысины на лбу, очки в тонкой металлической оправе. На нём был белый халат, в руке — небольшой кожаный саквояж. Он держался скованно, плечи приподняты, взгляд бегал — так выглядят люди, которых вызвали срочно и непонятно зачем.

— Это врач, — сказала Вера тихо. — Господин Тарханов

распорядился, чтобы вас осмотрели.

Я замерла у кровати. Пальцы сжали ворот халата.

— Я не нуждаюсь в осмотре.

— Пожалуйста, — Вера шагнула ко мне. В голосе — та же мольба, что и полчаса назад. — Он просто осмотрит. Это быстро. Пожалуйста.

Врач кашлянул в кулак. Посмотрел на меня поверх очков. В его взгляде не было ни сочувствия, ни любопытства — только профессиональная отстранённость человека, который видел слишком много пациентов, чтобы каждому сопереживать.

— Лягте на кровать, — сказал он. — Я постараюсь не задерживать вас надолго.

Я не двинулась. Вера подошла ближе и едва слышно прошептала:

— Умоляю. Если он узнает, что вы отказались, будет хуже. И мне, и вам.

Я смотрела на неё секунду. Потом две. Потом подошла к кровати и легла на спину, уставившись в потолок. Знакомая лепнина. Я уже ненавидела этот потолок.

Врач поставил саквояж на столик, щёлкнул замками. Достал перчатки — тонкие, латексные, — натянул на руки. Его движения были отточенными, машинальными. Он делал это тысячу раз.

— Разденьтесь, — сказал он.

Я развязала пояс. Халат распахнулся. Холодный воздух

коснулся груди, живота, бёдер. Я смотрела в потолок и считала завитки. Один, два, три, четыре...

Врач склонился надо мной. Его пальцы — холодные — коснулись моих скул. Нажали осторожно.

— Гематомы поверхностные, — произнёс он негромко, будто диктовал кому-то невидимому. — Пройдут в течение нескольких дней.

Пальцы двинулись к шее. Я зажмурилась, когда он коснулся мест, где меня держали. Он развернул ворот халата, осмотрел.

— Отёка нет. Сосуды целы.

Пальцы скользнули ниже. Плечи, ключицы, грудь. Он ощупывал рёбра — я поморщилась, когда он нажал на левое.

— Трещин нет. Ушиб мягких тканей. Ничего серьёзного.

Он перешёл к животу. Надавил в нескольких местах, спрашивая, больно ли. Я мотала головой. Потом он попросил раздвинуть ноги.

Я зажмурилась так, что перед глазами поплыли белые круги. Дыши. Просто дыши. Это не он. Это врач. Это просто осмотр. Но пальцы, даже чужие, даже в перчатках — там, где всё болело и саднило, — вызывали тошноту.

Он осматривал молча. Быстро. Профессионально. Через минуту выпрямился, стянул перчатки и бросил их в саквояж.

— Повреждения незначительные, — сказал он, не глядя на меня. — Мазь от синяков и ссадин оставлю. Наносить дважды в день.

Он достал из саквояжа небольшой тюбик без этикетки, положил на прикроватный столик. Потом извлёк блистер с таблеткой — одна штука, серебристая упаковка.

— Это экстренная контрацепция, — сказал он тем же ровным голосом. — Если вы не хотите забеременеть, рекомендую принять в течение ближайших двенадцати часов. Эффективность высокая, но не абсолютная. Побочные эффекты — тошнота, головокружение. Возможна задержка цикла. В остальном — безопасно.

Он положил таблетку рядом с мазью. Защёлкнул саквояж, поправил воротник.

— Если будут сильные боли или кровотечение — передайте через горничную, — сказал он уже у двери. — Но я не думаю, что это потребуется. Ничего серьёзного.

И вышел.

Вера проводила его взглядом, потом посмотрела на меня. Я лежала на кровати, в распахнутом халате, и смотрела на таблетку в серебристом блистере. Маленькая круглая пилюля. Экстренная контрацепция. Чтобы не забеременеть от насильника.

Я села. Запахнула халат. Взяла таблетку, выдавила из блистера прямо в ладонь. Подержала на ладони — она была почти невесомой. Потом взяла стакан с водой с прикроватного столика, закинула таблетку в рот и запила.

— Я помогу вам перейти в новую комнату, — сказала Вера. — Там уже всё готово.

Я встала. Мазь взяла с собой. Всё остальное оставила здесь — пустую упаковку, стакан, свою невинность.

И пошла за Верой.

Глава 6

Я столько лет жила под крылом своей семьи, мечтала, строила планы. Университет, первая работа, когда-нибудь — своё жильё. Всё было предсказуемо, понятно, надёжно. Я знала, что завтрак будет на столе, что папа вернётся со смены, что подруга ответит на сообщение. Я знала правила игры.

Теперь я не знала ничего.

Даже имени человека, который меня уничтожил.

Новая комната была идеальной. Не просто чистой — вылизанной до стерильности. Паркет из тёмного дуба, гладкий, без единой царапины. Стены обиты тканью тёплого кремового оттенка. Окно от пола до потолка, рамы деревянные, белые. Ручка блестела латунью. Я проверила её в первый же день — заперто. Разумеется.

Кровать была широкой, с высоким изголовьем, застеленная светлым покрывалом — шёлк и хлопок, прохладные на ощупь. Подушки — четыре штуки, разного размера. Ванная — мраморный пол с подогревом, душевая кабина со стеклянной дверью, полотенца белые, пушистые, сложенные ровной стопкой на полке. Всё это напоминало дорогой отель. Не дом — отель. Место, где ты временно, где ты не останешься.

Я ходила по этому великолепию босиком, и мои шаги не производили ни звука. Паркет не скрипел. Двери не хлопали.

Тишина здесь была такая же дорогая, как и всё остальное, — глубокая, ватная, она поглощала звуки, как дорогой ковёр поглощает пыль.

Я ненавидела её всей душой. В тишине мысли становились громче.

Первый день я почти не двигалась. Тело заживало, и это забирало все силы. Я лежала на кровати и смотрела, как солнце переползает по подоконнику, по ковру, по краю покрывала. Я думала о папе. Как он там? Вернулся со смены, увидел пустой дом. Что он подумал? Что я сбежала? Что случилось страшное? Он же чувствует, он всегда чувствовал, когда мне плохо. Даже когда я была маленькой и падала с качелей, он бросал всё и бежал, хотя я не кричала. Просто чувствовал.

Теперь он не прибежит.

Я запретила себе плакать. Слёзы не помогут. Я просто лежала и дышала.

Еду приносила горничная, входила бесшумно, ставила поднос на столик у окна, поправляла что-то — салфетку, чашку, — и уходила. Ни слова.

Завтрак: омлет с трюфельным маслом, круассаны, свежевыжатый сок в хрустальном стакане. Обед: крем-суп из спаржи, телятина с овощами, чай с бергамотом. Ужин: рыба на пару, зелень, фруктовая тарелка. Всё было красиво, как в ресторане, и так же безлико. Повар где-то там, за пределами моей клетки, старался. Для кого? Для пленницы? Или так

было всегда — дом держал марку, независимо от того, кто в нём жил?

Вкуса я почти не чувствовала. Ела, потому что надо есть. Организму нужно топливо — это я помнила.

На второй день горничная задержалась на минуту дольше. Я сидела в кресле у окна, смотрела в сад, когда она вошла с обедом. Она поставила поднос, поправила приборы, а потом, поколебавшись, тихо сказала:

— Как вы себя чувствуете?

Я повернула голову. Она стояла у стола, сцепив пальцы в замок. В её голосе было не дежурное участие — что-то живое, осторожное.

— Живая, спасибо — сказала я.

Она кивнула и быстро вышла. Но я заметила, что она чуть выше подняла голову, когда закрывала дверь. Будто моя благодарность что-то для неё значила.

На третий день я начала задавать вопросы. Осторожно, по одному за раз, чтобы не спугнуть.

— Вера, где мы находимся? Я имею в виду — это далеко от города?

Она замерла у двери с подносом в руках.

— Загородный дом. Далеко.

И вышла.

На следующий день я спросила:

— Человек, который... хозяин. Вы давно у него работаете?

— Два года.

— У него есть семья?

Она покачала головой, и я увидела, как дрогнули её губы — будто она хотела сказать что-то ещё, но передумала. Дверь закрылась.

Я сидела в кресле и прокручивала в голове каждое её слово, каждый жест. Загородный дом — значит, до города далеко. Два года — значит, она знает его неплохо. Семьи нет. Я повторяла это снова и снова, как мантру.

Вечером того же дня Вера пришла позже обычного. За окном уже стемнело. Она поставила поднос, включила торшер у кресла — мягкий золотистый свет разлился по комнате.

— Как его зовут? — спросила я, желая знать имя этой мрази.

— Северин Тарханов.

Я замерла. Северин. Я повторила про себя: Се-ве-рин. Редкое имя. Холодное. Оно подходило ему — острое, как лезвие.

Теперь у него было имя. Это ничего не меняло — но мне стало чуть легче. Враг с именем — это уже не абстрактное зло, а человек. У человека есть слабости, прошлое, или то, чего он боится. Я пока не знала, что именно, но теперь могла хотя бы искать.

На пятый день я решилась на последний вопрос. Выбрала момент, когда Вера была особенно спокойной — утром, после завтрака, когда солнце заливало комнату и всё казалось чуть менее мрачным.

— Вера, здесь есть охрана. Я слышу шаги. Кто они?

Она замерла с чайником в руках. Медленно поставила его на поднос.

— Вам не нужно это знать.

— Нужно. Я лежу здесь ночью и слышу, как кто-то ходит за дверью. Я не знаю, друг это или враг.

— Здесь нет друзей, — сказала она резко, и я впервые услышала в её голосе что-то кроме страха. Горечь. Усталость. — Здесь только те, кто выполняет приказы.

Она вышла. Но через несколько часов, когда принесла обед, сказала, не глядя на меня:

— Трое. Игорь, Дима, Семён. Сменяются. Игорь — старший. Он самый... жёсткий. Семён — молодой, но дисциплинированный. Дима... — она замялась. — Младший.

— Спасибо, — сказала я.

Она кивнула. И снова ушла.

Я сидела у окна и перебирала в голове крупицы того, что узнала за эти дни. Северин Тарханов — бизнесмен, богатый, влиятельный. Живёт один. Семьи нет. Дом загородный, до города далеко. Охрана — трое, Игорь, Дима, Семён.

Это было ничтожно мало. Но хоть что-то. Из ничего, из обрывков, из случайных фраз я начала собирать карту этого места. Я не знала, как использую её. Но я знала: когда-нибудь — использую.

За окном пошёл дождь. Мелкий, весенний, он барабанил по стеклу и карнизу. Я открыла форточку и впустила влаж-

ный воздух. Пахло мокрой землёй и хвоей. Пахло свободой.

Я вдохнула полной грудью. И сказала себе:

— Ты выберешься, обязательно...

Села в кресло. Дождь стучал по подоконнику, и я слушала его, как обещание.

Пока не открылась дверь.

_____

Всем привет ❤# ##

Девочки, мне очень интересно ваше мнение по поводу этой истории. Буду рада, если побалуете своего автора комментариями и звездами.##

Вы моё вдохновение ##

Отдельное спасибо, *Наташе Нашей.* Ваше внимание, выраженное в форме наград, мне безумно приятно. Надеюсь, что книга вам нравится.##❤###

С любовью, Рика Аста ##

Глава 7

Северин

Выстрел.

Второй.

Пули в голове свистели, ударяясь об черепную коробку. С каждым разом казалось, что в обойме их остаётся всё меньше, но каждый новый заряд отдавал по телу невыносимыми спазмами, сводившими меня с ума.

Мигрень.

Я сидел в кабинете, откинувшись в кресле, и смотрел в темноту за окном. Дом спал. Тишина — густая, дорогая, купленная мной вместе со стенами, землёй и воздухом.

Боль я заработал честно. Она была моей платой за всё, что я имел. За каждый ноль в счетах, актив, отжатый у конкурентов и подпись, поставленную на документе, после которого чья-то жизнь шла под откос. Я сам выбрал эту дорогу и шёл по ней, не оглядываясь.

Русское "гетто" — не место на карте. Это состояние. Это атмосфера, пропитанная безнадежностью. Бетонные коробки, в которых люди живут поколениями и умирают, не увидев ничего, кроме ржавых качелей во дворе и ларьков. Там выживают — или гниют заживо.

Но я выбрался.

С нуля. Без старта и связей. Всё, что у меня было, — голова на плечах и злость. Злость стала топливом. Я заливал её в себя вместо бензина и шёл вперёд. Когда не было денег — находил тех, у кого они есть. Когда не было связей — создавал их с теми, кому был нужен. Когда вставали на пути — убирал. Без жалости, рефлексии, без оглядки.

Бизнес я не строил. Я его выгрызал. Зуб за зубом. Сделка за сделкой.

Промышленные объекты. Логистические узлы. Земля. Люди. Деньги, которые работают, пока я сплю. Совесть — это роскошь для тех, кто может себе позволить проиграть. Я не могу.

Боль — другое дело. Мой старый партнёр. Я знаю её, как никто другой. Она приходит без предупреждения: выстрел, второй, третий — и ты уже не человек, а оголённый нерв, натянутый на кости. В моём мире за всё нужно платить, и я плачу сполна.

Я сделал глоток виски. Поставил стакан на стол. Стекло звякнуло о столешницу — резко, металлически.

Главное — не дёргаться. Не показывать слабости. Даже когда в кабинете никого нет.

Потому что стены слышат. Люди смотрят. Мир ждёт, когда ты оступишься.

А я не оступаюсь.

Дверь открылась без стука — так заходили только свои. Игорь, тенью скользнул к столу, положил папку. Кожаный

переплёт, сургучная печать — документы от юристов.

Он уже уходил, когда я задал вопрос.

— Как она?

Мужчина замер. Я слышал его дыхание — ровное, тяжёлое, как у быка. Он думал, что ответить. Не потому что боялся — потому что не знал, что я хочу услышать.

— Ведёт себя тихо. — сказал он наконец.

Тихо.

Я отпустил его коротким кивком. Дверь закрылась. Щелчок замка отозвался в висках глухо.

Тихо.

Странное слово. Оно не подходило к ней.

Планирует сбежать?

— Идиотка, — что-то внутри натянулось. — Но чертовски сладкая...

О, как она кричала. Этот звук до сих пор стоит у меня под рёбрами — низкий и рваный. Так кричит не жертва. Так кричит зверь, которому перегрызают горло. Я слышал его сквозь собственную ладонь, и он проходил через кожу, через нервы, через кровь. И оставался там.

Как же она выгибалась подо мной, не прекращая сопротивляться каждым мускулом и каждым вздохом. Даже когда силы кончились, а мышцы сдались, её глаза продолжали бой. Зелёные. Огромные. Полные такой чистой, незамутнённой ненависти, что у меня перехватывало горло от восхищения.

Я брал её и чувствовал: подо мной не тело, — воля.

Несломленная. Неукрощённая. И это опьяняло сильнее виски и власти.

Она была узкой, как лезвие. Тугой, как тетива. И каждый толчок отдавался в ней болезненной дрожью, которую она пыталась спрятать. Пыталась — и не могла. Я чувствовал это. Чувствовал, как тело поддаётся, как впускает глубже, как обхватывает, пока она шепчет: «Ненавижу».

Я наклонился к её уху. Коснулся губами. Влажная кожа пахла солью и ванилью. «Будешь моей». Она ответила — тихо, но без колебаний: «Никогда». И тогда я улыбнулся. Потому что знал: это «никогда» будет звучать в ней с каждым моим прикосновением. С каждым вздохом. С каждой ночью, которую она проведёт в моём доме.

Я закурил. Дым потянулся к потолку — тонкий, сизый. За окном ночь. В висках — затухающее эхо. Мысль о ней пульсировала где-то на границе сознания, как далёкий разряд.

Идиотка. Сладкая, манящая...

Я затушил сигарету. Посмотрел на потолок — туда, где была её комната.

Я ещё не закончил.

Глава 8

Северин

Дверь в её комнату открылась почти беззвучно. Вошёл. Закрыл за собой. Щелчок.

Она сидела в кресле у окна. Поджала ноги, обхватила колени руками. Белая сорочка, совершенно неподходящая под обстановку комнаты, своей простотой, висела на ней как на вешалке. Волосы распущены, высохли неровно — где-то волной, где-то прядью прилипли к шее. В комнате пахло гелем для душа и едва уловимо — ею.

Она подняла голову. И я увидел то, за чем пришёл.

Шок. Короткая вспышка в зелёных глазах — узнавание, неверие, страх. Она не ждала меня сейчас. Может, надеялась, что забыл. Зрачки расширились, дыхание сбилось — грудь дёрнулась и замерла. Она сжалась. Не телом, им она, наоборот, выпрямилась, вскинула подбородок, — а где-то внутри. Я увидел, как страх пробежал по ней, как дрожь по воде, и как она тут же задавила его. Спрятала. Вбила обратно под рёбра.

Растерянность. Пальцы сжали край сорочки и побелели. Девушка не знала, что делать. Встать? Отойти? Заговорить? Мозг просчитывал варианты, и ни один не работал. Она поняла это за секунду. Я увидел — поняла.

Встала с кресла. Медленно. Плавно. Будто не боится. Отступила на шаг. Ещё на полшага. Спиной почти коснулась подоконника. Дальше отступать некуда. Мы оба знали, что этот танец — вопрос времени.

Я смотрел на неё и думал: надо же. Прячет. Губы сжаты в нитку. Брови сведены. В глазах — вызов, который она нацепила, как маску, и держит из последних сил. А под маской — дрожит. Я видел её. Она была не в теле, а где-то глубже. На уровне инстинкта.

Я прошёл вперёд. Не глядя на неё. Спокойно. По-хозяйски. Подошёл к дивану. Остановился. Снял пиджак — небрежно, одной рукой, — бросил на подлокотник. Ткань упала с глухим шорохом.

Взялся за запонку на левом манжете. Металл звякнул. Я расстёгивал медленно — спешить было некуда.

Сейчас я сниму рубашку. Потом подойду к ней. И всё, что она прячет, — страх, дрожь, ненависть, — всё это будет моим. Снова.

Мысль была простой, как дыхание: расслабиться. Насладиться. Девушка здесь для этого. Сладкая, тёплая, сопротивляющаяся. И сейчас я снова это получу.

— Раздевайся, — бросил я.

— Нет! — крикнула она.

Я усмехнулся. Сделал шаг. Она метнулась в сторону к трюмо. Схватила с него первое, что попалось под руку: тяжёлый стеклянный подсвечник. Развернулась. Замахнулась.

— Подойди, — сказала она. Голос дрожал, но рука — нет. — Подойди, и я разобью тебе голову!

Я посмотрел на её лицо, руки, сжимающие стекло и грудь, вздымающаяся всё чаще и чаще.

Красиво. ЧЕРТОВСКИ!

— Тяжёлый, — сказал я, кивая на подсвечник. — Если промахнёшься, я выбью тебе зубы. Если попадёшь — всё равно трахну. Только жёстче. Выбирай.

Она не опустила руку. Смотрела на меня.

И тогда сделала то, чего я не ожидал.

Размахнулась — и швырнула его в зеркало.

Стекло взорвалось. Осколки брызнули во все стороны, как ледяной дождь. Зазвенели. Посыпались на пол, на трюмо, на неё. Девушка даже не поморщилась.

— Теперь попробуй подойти, — сказала она.

Крупные осколки лежали между нами, как минное поле. Она стояла по ту сторону — в ловушке, которую сама создала. Отрезала себя от двери, от меня. Думала, это её защитит.

Дура.

Я улыбнулся. Сдёрнул с дивана темное покрывала и бросил на осколки. Наступил. Стекло хрустнуло под подошвой, но не достало до ноги. Ещё шаг. Ещё.

Она отступала. Упёрлась спиной в стену. В глазах — ужас пополам с изумлением.

Я взял её за горло. Нежно. Почти ласково. Прижал к стене. Наклонился к уху.

— Ты могла порезаться. Понимаешь?

Она молчала. Дрожала. Осколок стекла блестел у неё в ключице — маленький, как рыбья чешуйка. Я стряхнул его пальцем.

— Какая же ты тупая. — сказал я.

И впился в её губы.

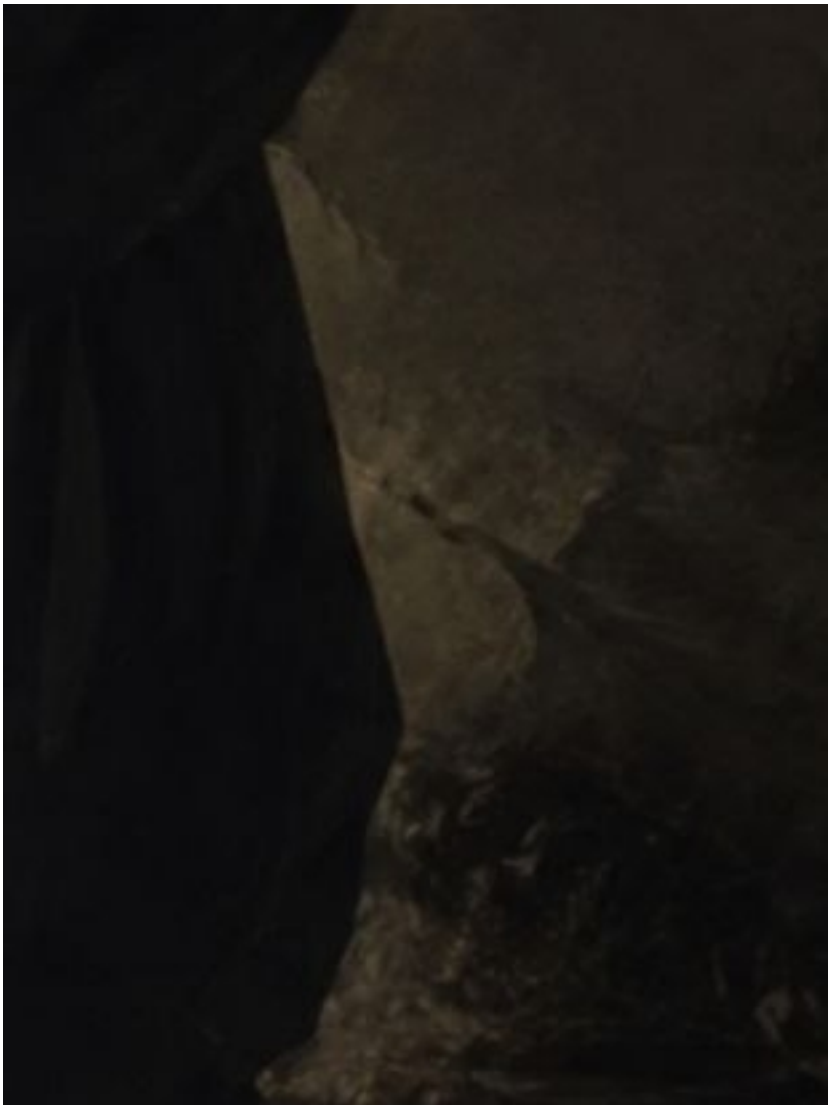
Они были сухие, искусанные ею же, и я почувствовал вкус запёкшейся крови. Она сжала челюсти — я надавил большим пальцем на скулу, туда, где кость сходится с челюстью, заставляя раскрыться. Протолкнул язык внутрь — глубоко, властно, не оставляя пустоты. Её рот был горячим и узким, и я заполнил его собой. Она замычала — протестующе, яростно, — и этот звук вибрацией прошёл через мою глотку вниз, в грудь, в пах. Упёрлась ладонями мне в плечи — я перехватил её запястья. Завёл над головой. Прижал к стене. Она извивалась подо мной, пыталась вырвать руки, мотала головой, но я держал. Губы не размыкал. Продолжал целовать — жёстко, жадно, вбивая себя в неё языком так же ритмично, как через минуту вобью член. Глубже. До упора. Её дыхание сбилось окончательно. Она не стонала, а задыхалась. Но не сдавалась. Я чуть ослабил хватку и она замерла, дрожа, с моим языком у себя во рту.

Я отстранился. Отпустил её запястья. Девушка судорожно вдохнула. Губы — красные, припухшие, влажные. В уголке рта — капля крови, её или моей, уже не важно. Глаза мокрые, но всё ещё злые. Всё ещё мои.

— Вот так, — сказал я. — Поиграем.

ВИЗУАЛЫ

Северин)



А как вам такой?)

Милава

Милава и Северин)

Сцена из 8 главы.

Жду ваши реакции в комментариях!❤###❤###❤###
Как по мне, визуалы шикарные!##
ТГК: Rika_Asta

Глава 9

Северин

Я снова взял её за горло. Нежно. Почти ласково. Она дышала часто, сбито, и её пульс бился под моими пальцами как у загнанной птицы.

— У тебя есть минута, — сказал я.

Она замерла.

— Одна минута. Ты считаешь вслух. Не сопротивляешься. Если справишься и не собьёшься — я тебя отпущу. Пойдёшь домой. Даю слово.

— Твоё слово чего-то стоит? — спрашивает девушка почти шепотом.

— М? Сомневаешься? — спросил я с усмешкой.

Она посмотрела на меня. В зелёных глазах — недоверие пополам с надеждой. Маленькой. Хрупкой. Почти детской. Она не верила мне.

— Считай, — сказал я. — Как положено. Вслух.

Она облизала разбитые губы. Сглотнула.

— Один... — голос тихий, хриплый. — Два...

Я развернул её резко, одним движением. Лицом к стене. Она упёрлась ладонями в холодный камень. Вздрогнула, но не перестала.

— Три... четыре...

Я взялся за ворот сорочки. Рванул вниз. Треск резкий, как выстрел. Ткань разошлась по спине, открыв позвоночник, лопатки и талию. Кожа была бледной, почти светящейся в полумраке. Я провёл пальцем по линии позвонков — она дёрнулась, но счёт не прервала.

— Пять... шесть...

Голос дрогнул. Она знала, что будет дальше. Верила? Или просто решила, что минута — это цена, которую можно заплатить? Какая разница. Главное — она считала. А я слушал.

Пальцы скользнули по её бёдрам. Узкие. Девичьи. Кожа была прохладная, гладкая, с мурашками. Я сжал. Сильно. Она всхлипнула, но продолжила.

— Семь... восемь...

Я поднял её ногу. Она пошатнулась, но удержалась, упёршись ладонями в стену. Открылась передо мной — сухая, но беззащитная. Я вошёл одним движением. Без подготовки. Без пощады.

Она закричала — коротко, сдавленно, — и тут же заглушила себя:

— Де... девять...

Голос сорвался в хрип. Но она считала. Даже сейчас, когда я был внутри неё — тугой, горячей, сжимающейся вокруг меня в спазме боли и ужаса. Я замер на секунду. Закрыл глаза. Почувствовал её — всю. Как девушка дрожит, а тело борется, хотя уже проиграло. И голос ломается о цифры.

Кайф.

Чистый, концентрированный, как яд в вене. Не просто от тела — от того, что она делает. Считает, верит, надеется. Загущаяя и усиливая мой экстаз.

Я чуть выше приподнял её бедро и вошёл до упора и её сдавленного вскрика. Мои пальцы сомкнулись на её горле. Я прижался лицом к её волосам. Вдохнул запах — ваниль, страх, мой гель для душа. Моя метка.

— Считай, — шепнул я ей в ухо. — Я не закончил.

— Десять... — выдохнула она.

И я двинулся.

Секунды больше не имели значения. Я слышал цифры сквозь собственное дыхание, стук крови в висках и её сдавленные всхлипы. Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Голос ломался, срывался на стон от бессилия. Тело не слушалось. Она не получала удовольствия — я знал это, по тому, как она сжималась, деревенела внутри пытаясь тстраниться, хоть и отступать было некуда. Стена держала её крепче моих рук.

Четырнадцать. Пятнадцать.

Я брал жёстко. Ритмично. Каждый толчок — до основания, до её хрипа и места, где она переставала считать и начинала просто дышать. Ртом. Часто. Загнанно.

Шестнадцать. Семнадцать. Восемнадцать.

Её пальцы царапали стену. Ногти ломались. Она стонала коротко, сдавленно. Без страсти или тепла. Чистая физика: тело реагировало на вторжение единственным доступ-

ным способом.

Девятнадцать. Двадцать.

Я отпустил её ногу. Вышел из неё — резко, не предупреждая. Она пошатнулась, чуть не упала, но я уже подхватил её. Одной рукой под колени, другой под спину. Поднял. Она была лёгкой и вся дрожала. То ли от холода, то ли от шока.

Я понёс её к кровати. Она не сопротивлялась. Просто смотрела на меня — огромными, мокрыми, всё ещё не сломленными глазами. В них плескалась ненависть. И то, чего я пока не понимал.

Я опустил её на простыни. Она осталась лежать, голая, с моими следами на бёдрах. Я навис сверху. Развёл её ноги. Вошёл — одним движением, до упора.

Девушка закричала.

Не сдержалась. Не смогла. Крик вырвался сам — хриплый, низкий, животный. Я поймал его губами. Схватил её за горло — не душа, просто держа, фиксируя, — и впился в рот. Грубо. Глубоко. Язык протолкнулся внутрь, заполнил её заглушая крик.

И начал трахать не разрывая поцелуя.

Жёстко. Жадно. Каждый толчок отдавался вибрацией стонов в ее горле, которые я ловил своими губами. Она задыхалась подо мной без воздуха и выхода, — но я не отпускал. Моя ладонь держала шею. Мой рот пожирал её губы. Мой член вбивался в неё с ритмом, который не оставлял ни шанса на передышку.

Я пил её: стоны, слёзы, ненависть. Всё это текло в меня, как горячий алкоголь, и от этого кайф становился только острее.

Когда я оторвался от её губ. Она судорожно и жадно вдохнула кислород. Глаза были мокрыми, а по подбородку текла слюна вперемешку с моей.

Красивая.

Разбитая.

— Ну же, — сказал я, глядя сверху вниз. — Считай, сучка. Что, домой не хочется? А?

Сказал я, с насмешкой, густой и тягучей, как патока. Она смотрела на меня — взгляд плыл, но ярость и ненависть застыли на дне зрачков.

— Двадцать четыре... — выдохнула она.

Я улыбнулся.

— Умница.

И вошёл жёстче. Так, что кровать дрогнула. Она закричала — громко, открыто, уже не сдерживаясь. Тело выгнулось, пальцы вцепились в простыни, а ногти рванули ткань.

Я улыбнулся, но не дал ей уйти в крик или забыться. Моя ладонь легла на её грудь — небольшую, упругую, с бледно-розовым соском, сжавшимся от холода и страха. Я сжал его не лаская. По-хозяйски. Взвесил в ладони. Почувствовал, как он твердеет под большим пальцем.

— Считай, — крикнул я.

— Двадцать пять... — вытолкнула она.

Я наклонился. Провёл языком по ключице — солёная. Поддел сосок губами, втянул в рот. Она дёрнулась, попыталась отстраниться, но я держал. Язык обвёл тугую вершинку по кругу — раз, другой, — и я почувствовал, как она дрожит от напряжения. От попытки не закричать, не разрыдаться, не сбиться со счёта.

Я ещё увижу твои слёзы девочка. Не сомневайся.

— Двадцать шесть... двадцать семь...

Я прикусил сосок. Осторожно, самую малость. Она вскрикнула. Тело выгнулось навстречу, хотя она этого не хотела. Мышцы сжались вокруг меня — туго, горячо, — и я застонал от удовольствия.

— Двадцать восемь...

Я переместился выше. К шее. Туда, где кожа самая тонкая. Прижался губами. Втянул в рот — сильно, до тёмного пятна, которое будет цвести сиреневым цветом ещё неделю. Она замычала, замотала головой, но я держал. Ещё один засос. Ещё. Я ставил их, как печати. На шее. На плече. На ключице. Каждая — моя подпись. Моя метка. Моя территория.

Она считала.

— Тридцать пять... тридцать шесть... — голос срывался.

— Хорошая девочка.

Я скользнул губами ниже. К животу. Почувствовал, как мышцы напряглись под кожей — она ждала боли и боялась. Я поцеловал ложбинку под рёбрами. Лизнул. Укусил — легко, но она всё равно охнула.

— Тридцать семь...

Она отвернулась. Рефлекторно. Лицо ушло в сторону, зарылось в подушку и спряталось от меня. Я остановился. Движения замерли. Тишина.

Я взял её за подбородок. Развернул обратно. И ударил ладонью по щеке, не сильно, но хлёстко. Кожа загорелась красным. Глаза распахнулись.

— Не смей отворачиваться, — сказал я.

Она смотрела на меня. Губы дрожали. Но глаза были злыми.

— Тридцать восемь...

Я вышел. Она не успела выдохнуть — я уже подхватил её под бёдра, приподнял, развернул под нужным углом. Ноги девушки оказались на моих плечах, а лопатки вжаты в матрас. Я вошёл ещё глубже, чем раньше. До самого конца, до её сдавленного вскрика.

И начал брать.

Сильнее. Быстрее. Без пауз. Кровать заскрипела в такт. Её тело сотрясалось подо мной, как от ударов током. Грудь подпрыгивала. Пальцы впивались в простыни. Она уже не кричала — выталкивала цифры сквозь зубы, сквозь стоны, сквозь слёзы, которые всё-таки потекли.

— Тридцать девять... сорок... сорок один...

Я наращивал темп. Пот градом катился по спине. Воздух в комнате стал горячим и влажным. А её голос единственнм ориентиром в этом хаосе. Она считала. Ловила дыхание. И

считала снова.

— Сорок ... сорок один... сорок два...

Ей было всё труднее. Я видел, как каждое новое число даётся с боем. Губы дрожали. Грудь ходила ходуном. Пальцы на ногах поджимались. Она теряла ритм, теряла себя, но продолжала.

— Сорок восемь... сорок девять... пятьдесят...

Я чувствовал, как она сжимается вокруг меня — уже не сопротивляясь, а просто потому что тело больше не слушалось. Оно жило своей жизнью. Оно подстраивалось под меня. Оно принимало меня.

— Пятьдесят три... пятьдесят четыре...

Я наклонился. Уперся лбом в её лоб. Дышал в её губы. Смотрел в зелёные, залитые слезами глаза.

— Пятьдесят пять.. пятьдесят шесть.. пятьдесят семь...

Она дошла. Сама не веря, что смогла. Голос — хриплый, сорванный, чужой. Но цифра прозвучала.

— Пятьдесят восемь.

Я усмехнулся и перевернул её на живот.

Лицом в подушку. Зажал рот ладонью — она замычала, забилась, но я уже был сверху. Придавил весом. Сжал её бёдра коленями. Вошёл — резко, глубоко, до её сдавленного крика в мою ладонь. Пара движений — жёстких, рваных, — и её стоны стали похожи на лай. Короткие. Хриплые. Отчаянные.

Я наклонился к её уху. Горячее дыхание. Влажная и дро-

жащая кожа.

— Какая же ты идиотка.

Глава 10

Милава

Я правда дура.

Самая настоящая. Конченая. Клиническая дура, которая поверила, что у этого урода есть хоть капля чести. Что его слово чего-то стоит, а минута — это цена, которую можно заплатить и выйти на свободу.

Он дал мне минуту.

И я считала, как дрессированная собачка. Глотала цифры, пока он разрывал меня изнутри, оставляя метки и выбивая воздух из лёгких. Я считала, верила, надеялась.

Он назвал меня идиоткой. И он прав...

Я лежала на животе, лицом в подушку, и чувствовала, как Северин всё ещё внутри меня. Тяжёлый. Горячий. Чужой. Его пальцы сжимали мои бёдра, а дыхание обжигало затылок. Он не двигался пока, просто держал.

— Скажи, — раздалось над ухом. Голос низкий, спокойный, с ленцой. — Скажи: «Я идиотка».

Я замерла. Воздух в лёгких кончился. Сердце ударило под горло.

— Скажи. И я закончу быстрее.

Его ладонь скользнула с бедра вверх, по позвоночнику, по лопаткам, и легла мне на затылок так, чтобы я чувствовала

вес. Чувствовала, что он может сделать всё что угодно. И сделает.

Я молчала.

Он вошёл глубже — резко, без предупреждения. Я вскрикнула в подушку. Хрипло. Сдавленно. Пальцы сами вцепились в простыни.

— Ну же, — его голос был почти ласковым. — Всего два слова. Ты знаешь, что это правда.

В том-то и дело.

Я ведь правда верила. Думала что цифры могли меня спасти. Как будто он — человек, который изнасиловавший меня в первый день и наслаждающийся моими слезами — мог сдержать слово.

Он снова двинулся — медленно, с расстановкой. Я чувствовала каждую секунду своего позора. Каждую вену на его члене и каждый спазм внутри.

— Я жду, — сказал он.

Я сжала зубы. Соленые капли текли по щекам, впитываясь в подушку.

— Я...

Голос сорвался. Хрип. Всхлип.

— Я идиотка.

Он замер. А потом я почувствовала, как его губы растянулись в улыбке где-то у моего виска.

— Вот так, — выдохнул он. — Умница.

Движения стали быстрее. Каждый толчок выбивал из ме-

ня воздух и мысли. Я больше не считала. Просто лежала и чувствовала, как он кончает — горячо, глубоко, внутри меня. Мужчина выдохнул сквозь зубы, протяжно и удовлетворенно.

На секунду всё замерло.

А потом он вышел, перевернул меня на спину — грубо, одним движением, как куклу, — и впился в губы.

Жадно. Глубоко. Его язык заполнил мой рот и я почувствовала вкус собственных слёз, крови и его слюны. Ладонь легла на мою щёку почти нежно. Почти.

Я не отвечала. Не могла. Просто лежала, пока он пил меня — в последний раз за этот бесконечный час.

Он оторвался. Взглянул на меня сверху — волосы растрёпаны, глаза тёмные, на губах моя кровь. Усмехнулся.

И шлёпнул по щеке.

Не больно. Унизительно.

— Хочешь домой? Старайся. Пока ты отработала только возможность не быть оттраханной моей охраной.

Встал с кровати. Потянулся за брюками. Я лежала и смотрела, как он одевается — спокойно, не торопясь, будто ничего не случилось.

— Приведи себя в порядок. А то похожа на дешёвую шлюху. — сказал он.

Дверь закрылась. Щелчок замка.

Я осталась лежать на скомканных простынях — с его спермой между ног, слюной на губах и словами, застрявши-

ми в голове.

Я не шлюха.

НЕ ШЛЮХА!

Я дождалась, пока шаги растворятся в тишине, а дом снова станет мёртвым.

И тогда меня накрыло.

Всхлип. Короткий. Жалкий. Потом — второй. Третий. Четвёртый. И вот я уже рыдаю в голос, захлёбываясь, заходясь в истерике такой силы, что казалось крыша обрушится прямиком мне на голову.

Я кричала в подушку — громко, страшно. Просто потому что больше не могла держать это в себе. Страх, боль, унижение, — взрывались внутри меня и выплёскивается на ружу наружу, как вулкан.

За что? За что он так со мной???

Я же ничего не сделала!!!

Я просто хотела танцевать. Просто хотела побыть девятнадцатилетней девчонкой, у которой всё впереди!!! Как теперь жить с этой болью??? Как мне смотреть в глаза людям без страха???

Я била кулаками по матрасу. По своим бёдрам. По местам, где он меня касался. Хотелось содрать кожу. Выцарапать каждую метку. Вывести его запах из себя.

Господи... как больно...

Не физически. Морально. Где-то под рёбрами, где раньше жила надежда.

Я кричала, пока голос не сел окончательно. Пока из горла не начал выходить только хрип. А потом лежала и выла — тихо, монотонно, уткнувшись лицом в мокрую подушку. Слюна. Слёзы. Всё смешалось в один солёный ком.

Я была жалкой. Разбитой. Растоптанной.

Как же хочется домой...

Я вспомнила папу. Его теплую улыбку. Голос.

Прости меня, пап.

От этой мысли я закричала снова. И плакала, плакала, плакала, пока силы не кончились совсем.

Тишина пришла внезапно. Как будто кто-то выключил звук. Я лежала на боку, подтянув колени к груди, и смотрела в стену.

Так и заснула — грязная, зарёванная, с его спермой на бёдрах и солью на губах. На скомканных простынях, которые ещё пахли им. На постели, где он меня сломал.

Глава 11

Я провалилась в темноту без снов, без ощущений. Просто исчезла из этой комнаты, дома и тела.

А потом что-то тронуло моё плечо.

Я дёрнулась — резко, как от удара током. Глаза распахнулись. Сердце заколотилось где-то в горле. Первая мысль: он. Вернулся. Снова.

— Тише, тише... Это я.

Голос был мягкий. Женский. Я заморгала, фокусируя взгляд. Горничная стояла у кровати, чуть наклонившись, и смотрела на меня с тем же выражением, что и вчера. Жалость. Смешанная с тревогой, с осторожностью, желанием помочь и невозможностью это сделать.

— Вы проспали почти сутки... — сказала она тихо.

Она не договорила. Отвела взгляд.

Я попыталась сесть. Тело отозвалось болью. Рёбра ныли. Кожа на шее горела. Бёдра саднило. Руки дрожали. Простыни прилипли к коже. Кровь. Сперма. Пот.

Вера смотрела на меня, и я видела, как у неё дрожат губы.

— Я принесла завтрак, — сказала она, виноватым голосом — И халат. Чистый.

Она протянула руку к моему плечу, но замерла, не коснувшись. Спросила глазами: можно?

Я кивнула.

И тогда она присела на край кровати и помогла мне сесть. Её ладонь легла мне на спину. Тёплая. Осторожная. Человеческая.

— Господи... — выдохнула она, глядя на синяки.

— Давайте я помогу вам дойти до ванной, — сказала Вера. — Вы постоите под душем, и станет легче. Хотя бы немного.

Я не хотела говорить. Вера понимала это, её пальцы сжали край передника.

— Идёмте, — сказала она.

И помогла мне встать.

Северин

Я вызвал Веру сразу после того, как просмотрел записи с камер.

Двадцать три минуты сорок секунд. Вот сколько она провела в комнате девчонки, когда меня не было в доме. Принесла какие-то тряпки, хоть я не отдавал распоряжений насчёт одежды. Девчонка должна была оставаться в том, в чём приехала, — или без ничего.

Вера действовала самовольно. Но жалость не входила в её обязанности.

Вошла она тихо, как всегда. Встала у двери. Руки сцепила в замок. Я сидел за столом и не смотрел на неё. Экран ноутбука был развёрнут ко мне. На паузе — стоп-кадр: Вера

выходит из комнаты с пустыми руками.

— Кто разрешал приносить ей одежду?

Тишина. Я поднял глаза.

Она стояла белая как мел. Губы дрожали. Пальцы сжались. Я видел, как она пытается подобрать слова и не находит их. Язык не слушался. Страх — липкий, животный — затопил её с головой.

— Я... я подумала... — начала она и запнулась. — Северин Александрович, я просто... она была голая, ей было холодно, я...

— Ты подумала.

Я откинулся в кресле. Смотрел на неё и молчал. Тишина давила сильнее крика. Мы оба знали правила.

— А что? — я говорил спокойно, почти лениво. — Твоему сыну лечение больше не нужно? Хочешь уволиться?

Она рухнула.

Просто подогнулись ноги — и она оказалась на коленях. На мраморном полу. Перед моим столом. Передо мной. Слёзы потекли сразу, как будто ждали этого момента.

— Умоляю... — голос сорвался. — Северин Александрович, умоляю... Не выгоняйте. Вы же знаете. Ему без лечения нельзя. Я всё что угодно. Я буду молчать. Больше не сделаю ничего без вашего разрешения...

Она говорила и говорила — быстро, сбивчиво, глотая слова. Слёзы капали на мрамор. Я смотрел на неё и не чувствовал ничего. Ни жалости. Ни раздражения. Пустота.

— Встань.

Она замерла. Не поняла.

— Встань, я сказал.

Она поднялась. Медленно, неуверенно, держась за край фартука. Ноги держали плохо. Губы всё ещё дрожали. Она ждала.

— Ты хорошая работница, Вера. Я это ценю. Но если ты ещё раз сделаешь что-то за моей спиной...

Я выдержал паузу.

— ...ты вылетишь отсюда в тот же день. Помни, кто платит за жизнь твоего ребёнка.

Она закивала — часто, мелко, как болванчик. Слёзы всё ещё текли по щекам, но в глазах уже мелькнуло облегчение.

— Да. Да, Северин Александрович. Я поняла. Спасибо. Спасибо вам.

— Так и быть, купи ей одежду. И позови ко мне Диму. Всё. Свобода.

— Да. Конечно. Сейчас.

Она попятилась к выходу. Развернулась. Вышла. За дверью послышались её быстрые шаги — почти бег. Я закрыл ноутбук. Посмотрел в окно. Дождь барабанил по стеклу. Сбивчиво. Хаотично. Как секунды вчера. Чёрт бы её побрал.

Я тряхнул головой и потянулся к папке, которую так и не удосужился просмотреть перед тем, как Стас привез девчонку. Теперь — самое время.

Раскрыл.

Верхний лист — стандартная справка. Фото. Имя. Дата рождения. Я пробежался глазами по строчкам — и замер.

Ларина Милава Романовна . 19 лет.

Я усмехнулся.

— М? Вот как сучку зовут.

Милава.

Я произнёс это вслух, пробуя на язык. Редкое имя. Мягкое. Певучее. Не подходящее ей.

Я читал дальше. Студентка второго курса. Филологический. Стипендия повышенная. Характеристика с места учёбы: «Ответственная, усидчивая, скромная». Скромная. Я хмыкнул. Скромные не расчленяют глазами, пока их трахают.

Отец: Ларин Роман Викторович. Рабочий сталелитейного цеха. Мать: Ларина Ирина Андреевна. Умерла год назад. Остановка сердца.

Я задержался на этой строчке. Год назад. Мать умерла. Отец — простой работяга. Дядя — мудак.

Я перевернул страницу. Медицинская карта. Хронических заболеваний нет. Аллергий нет. Гинекология: девственница.

Девственница.

— Ну, уже нет.

И я вспомнил, как туго она сжималась в первый раз. Как кричала. Как плакала.

Я захлопнул папку.

— Бедная девочка, — произнес в тишину кабинета.

Голос прозвучал ровно. Без жалости или раскаяния. Просто констатация факта. Бедная. Не повезло. Родилась не в той семье.

Я закурил. Дым пополз к потолку. За окном дождь набирал силу. В коридоре послышались шаги — Дима шёл на вызов. Я затушил сигарету. Посмотрел на папку. Милава. Теперь у неё было имя.

Дверь открылась. Дима встал у стола. Ждал.

— С этого дня, будешь следить за девушкой. — сказал я. — Если с ней что-то случится — захочет, вздернуться, утопиться в ванне, — ответишь головой.

Он моргнул. Кивнул.

— Присматривать?

— Камеры. В комнату без причины не входить.

— Принято.

— Свободен.

Вышел.

Я закурил снова. И вдруг поймал себя на мысли: а не похер ли мне?

Сдохнет и сдохнет. Дом большой. Похоронят. Или нет — есть люди, которые решают такие вопросы. Я даже имени её не знал до сегодняшнего дня.

Я затянулся. Выдохнул дым в потолок.

Нет. Не всё равно.

Потому что она ещё не отработала. Я не наигрался.

Снова вспоминал вчерашнюю ночь. Вернее, вечер. Вернее, тот момент, когда она перестала вырываться и просто принимала меня, считая. Пятьдесят три. Пятьдесят четыре. Ни одного удара. Ни одной попытки сбросить меня. Просто лежала и принимала. Потому что поверила.

И вот это — вот это было слаще всего.

Сопротивление — да, даёт азарт. Когда она царапалась орала и пыталась ударить — заводило и разгоняло кровь. Но когда затихла... это было совершено другое. Глубже. Она отдалась не телом, им она и так была моя. Она отдалась решением.

И это доверие — глупое, детское, обречённое — я раздавил с особым удовольствием.

Потому что сломать брыкающуюся — это просто. Сломать ту, что сама подставилась, — вот где кайф.

Я стряхнул пепел в хрустальную пепельницу. Да. Определённо. Второй раз мне понравился больше, чем первый. Хотя первый был... первым. Её кровь на моих губах. Её тело, сжимающееся от боли. Её крик — дикий, нечеловеческий, честный. Я помнил всё. И, чёрт возьми, хотел ещё.

Глава 12

Милава

Прошло два дня. Или три. Я сбилась со счёта.

Стены душили. Кремовая краска, которую я возненавидела, казалось, сжималась вокруг меня, стоило закрыть глаза. Я просыпалась и засыпала с одним и тем же видом: окно, сад. Окно. Сад.

Я больше не могла сидеть в четырёх стенах, мне нужно было выйти. Хоть куда-нибудь. Лишь бы не здесь.

На следующий день, после насилия совершенного Северином, Вера пришла с одеждой. Поставила поднос. Молча. Положила на кровать платье — тёмно-красное, из мягкого трикотажа. Ни выреза, ни открытой спины. Закрытое. Строгое. Но качественное. Очень. Я провела ладонью по ткани и почувствовала, как она дышит под рукой.

— Это... мне?

Вера кивнула. Отвернулась. Я смотрела на её прямую спину, на туго затянутый пучок, на пальцы, сжатые в замок, — и понимала: что-то случилось. Она была другой. Отстранённой. Закрытой.

— Вера, — позвала я.

— Одевайтесь. Завтрак остынет.

Я оделась. Платье село идеально — будто на меня шили.

Я подошла к двери. Вера уже собиралась уходить.

— Подожди. Я хочу выйти. Я больше не могу сидеть здесь. Помоги мне.

Тишина.

— Нельзя, — сказала она наконец. — Распоряжений не было.

— Вера, пожалуйста. Я с ума сойду. Просто дай мне пройтись.

Она обернулась. Медленно. И я увидела то, что она пыталась прятать. Жалость. Всё та же. Живая. Тёплая. Она никуда не делась. Просто теперь ей нельзя было её показывать.

— Я... — она запнулась. Пальцы теребили край передника. — Я не могу. То есть... я попробую. Спросить. У хозяина, он сегодня уезжает... Так что, может быть, он... если он будет в настроении...

Слова путались, цеплялись друг за друга и рассыпались, как сухие листья.

— Вера...

— Я пойду, — выпалила она. — Мне надо. Мне уже пора...

И выскользнула в коридор. Быстро. Почти бегом.

Дверь закрылась. Щелчок замка.

Я осталась стоять посреди комнаты. Красивая ткань холодила кожу. Я провела ладонью по бедру — мягко. Дорого.

Я подошла к окну. Сад был всё тот же. Деревья. Гравий. Серая лента дороги, уходящая к воротам.

Прижалась лбом к стеклу. Холодное. Чужое.

Уезжает значит. Надеюсь - навсегда.

Я боялась столкнуться с ним. До дрожи. До спазма в животе. Но ещё больше я боялась остаться здесь навсегда.

Значит, надо выбираться.

Но как?

За адскую неделю в этом доме, я научилась различать шаги.

Тяжёлые, с металлическим отзвуком — Игорь. Проходил мимо, как танк. Никогда не задерживался. Лёгкие, быстрые — Вера.

И ещё одни. Мягче, чем у Игоря. Медленнее. Они всегда затихали у моей двери на секунду дольше, чем нужно. Иногда я слышала дыхание с той стороны. Иногда — тихий смешок.

Дима.

Первый раз он зашёл без стука через несколько часов после того, как Вера оставила мне одежду. Видимо хозяин дал собаке дополнительное задание — следить. Я лежала в кровати. Он открыл дверь, окинул меня взглядом — от босых ступней до спутанных волос — и усмехнулся.

— Ну и вид. Долго босс развлекался.

Я не ответила. Натянула простыню до подбородка. Он хмыкнул и вышел.

На второй день он принёс еду вместо Веры. Поставил поднос на стол. Сел в кресло напротив. Закинул ногу на ногу и

уставился на меня в открытую. Я ела, а он смотрел. Не как сторож...

— Ты чего? — спросила я.

— Смотрю. Ты симпатичная. Худая только очень. Но это поправимо.

Он не шутил. Говорил прямо, спокойно. От этого становилось жутко.

— Что тебе нужно? — спросила я.

— Сейчас — ничего. Просто смотрю. Босс не любит, когда трогают его вещи. А ты пока что — его вещь. Но скоро станешь моей.

Он сказал это так буднично, будет говорил о погоде или графике дежурств.

Мразь.

Я отложила ложку. Аппетит пропал.

— И ты думаешь, я соглашусь?

— А кто тебя спрашивать будет? — он подался вперёд, уперев локти в колени. — Ты здесь никто. Когда босс наиграется, он отдаст тебя нам. По очереди. А я хочу быть первым. Потому что ты мне нравишься. И я могу сделать так, чтобы тебе было... не так больно. По сравнению с тем, что сделают другие.

Я молчала. Он смотрел на меня и ждал. Как будто я должна была ответить. Поблагодарить? Согласиться?

Опасность витала в воздухе. Колени потряхивало от негодования и внутреннего напряжения. Как же я ненавидела

их...

— Ты такая же тварь, как он, — сказала я тихо.

Дима не обиделся. Пожал плечами.

— Я просто знаю, как устроен этот мир. Здесь каждый либо что-то отдает, либо получает. И ты можешь научиться брать. Например, мою благодарность. Я не такой, как босс. Я быть поласковее. Если захочешь.

— Я не захочу.

Он улыбнулся.

— Это сейчас. Через месяц посмотрим.

Мужчина встал и вышел. А я осталась сидеть с мыслью, что у меня появился враг, который хочет стать союзником. Или союзник, который в любой момент станет врагом.

Следующая встреча случилась через пару дней. Дима просто вошёл и встал у косяка, скрестив руки на груди.

— Тебе разрешили выходить. Радуйся малышка.

Я уставилась на него. Не шутит?

— И ты хочешь меня проводить? — спросила я.

— Хочу посмотреть на тебя. Ты в этом платье выглядишь очень даже.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

Я смотрела на него и пыталась понять, что у этого ублюдка в голове. Светлые волосы. Серые глаза. Острый подбородок. Красивое лицо. И абсолютно пустые глаза.

— Что смотришь? Надеешься ещё? Думаешь: «Может,

сбегу. Может, спасёт кто-то." Нет.

Я продолжала молчать.

— Будь умнее, — продолжил он. — Я предлагаю тебе сделку. Когда он наиграется. Ты будешь моей. Потому что я — твой единственный шанс не пойти по кругу между нами. Или друзьями Тарханова.

Внутри все похолодело.

— Значит, из всех зол — ты меньшее. — сказала я медленно.

— Да.

— А если я не буду.

Он пожал плечами.

— Твоё право. Но знай: у тебя есть вариант. Один. Я.

Он оттолкнулся от косяка и вышел.

Дима был прав. Я всё ещё надеялась на чудо. На то, что Северин однажды проснётся и станет другим. Глупо. Никто не придёт. Никто не спасёт. Надежда — это то, что убьёт меня быстрее, чем его руки или его член.

Значит, надо думать. Холодно. Как они.

Дима хочет меня. Смотрит голодными глазами и ждёт, когда лев насытится, чтобы подобрать объедки. Чертов падальщик. Но даже у него есть зубы. И эти зубы могут вцепиться не в меня. В кого-то другого.

Если я смогу его использовать. Если я смогу направить его голод в нужную сторону.

Если я смогу сделать так, чтобы он захотел не просто тело,

а меня для себя, не после Северина. А вместо.

Это опасно, мерзко. Раньше, я бы даже думать не смогла о подобном.

Но раньше я была другой.

Глава 13

Северин

Сделка должна была стать главным событием месяца.

Переговорная — длинный стол красного дерева, кожаные кресла, панорамное окно во всю стену. За ним — серый город, припорошённый мартовским снегом. В комнате — шестеро. Четверо с той стороны, двое с моей. Я и Захар — мой заместитель, цепкий, подожжёный мужик.

На кону — контракт на три года. Логистика. Транспортные узлы по всей области. Цена вопроса — сумма с восемью нулями. Партнёры — иностранцы. Серьёзные люди. При деньгах. При связях.

Я должен был слушать, отвечать и вести эту встречу так, как вёл десятки до неё: жёстко, уверенно, без единого лишнего слова. Я так и сидел — прямой, с каменным лицом, пальцы сцеплены на столе. Идеальный образ. Идеальный контроль.

Но внутри был хаос вперемешку с желанием вернуться в ту чёртову комнату, где находилась она.

Третий час переговоров. Захар что-то втолковывал, его голос гудел, как трансформатор, — ровно, монотонно, убаюкивающе. Я смотрел на партнёров — седой, в дорогом ко-

стюме, и его зам, помоложе, в очках, — и не видел их. Совсем.

Я видел её.

Опять. Снова. Как заевшая пластинка или вирус. Она сидела в моей голове и не желала оттуда вылезать.

Да что б тебя.

Я сжал челюсти. Попытался вслушаться в то, что говорил Захар. Слова долетали, но не задерживались. Отскакивали и возвращались обратно.

С утра, едва открыв глаза, я уже знал, что день пойдёт под откос. Потому что первая мысль была не о сделке, не о деньгах. Первая мысль была о ней. Как её волосы разметались по подушке. Тёмно-русые. Волнистые. Я не трогал их в ту ночь, не успел. Вообще я много чего собирался с ними сделать. Например, опустить нё на колени, намотать непослушные пряди на кулак и .... Стоп. Я сейчас, посреди чёртовой переговорной!

— ...консолидация активов позволит нам выйти на новый уровень...

Голос партнёров плыл фоном. Я держал ручку. Кивал. Делал вид, что слушаю.

Кожа. У неё была очень нежная кожа. На внутренней стороне бедра — особенно. Я помнил это ощущение. Как пальцы скользят вверх, раздвигая её ноги. По тому, как кожа теплела под моими ладонями, хотя она сама дрожала от холода и ужаса. И по тому, как на этих местах расцветали метки.

Тёмные пятна на бледном. Красные. Сиреневые там, где я втягивал губами слишком сильно. Я ставил их как печати. И каждая, чёрт возьми, до сих пор была перед глазами.

— ...риски минимальны, если рассматривать волатильность в долгосрочной перспективе...

Губы. У неё были губы, которые я не мог выкинуть из головы. Розовые. Мягкие. Когда она не плакала и не кричала, они были чуть припухшими, будто её только что целовали. А когда я целовал её сам — грубо, вбивая язык глубже, чем она готова была принять, — они становились красными. Сочными. Как спелая ягода, которую раздавили пальцами. Как сейчас помню вкус крови на этих губах — её или моей, уже не важно.

Я хотел поцеловать её снова. И это желание сидело во мне, как заноза.

— Северин Александрович, — голос Захара пробился сквозь мысли. — Вы согласны с этим пунктом?

Я моргнул. Переговорная вернулась на место.

— Повтори, — сказал я.

Захар запнулся. Он не привык, чтобы я отвлекался.

Он начал говорить, а у меня в ушах стоял только её голос. Даже когда она кричала — много, — в нём было что-то, что неотвратимо цепляло. Не писклявый, не визгливый — бархатный. Редкий тембр. Я не слышал такого ни у кого.

И вдруг подумал: а как бы он звучал, если бы она не плакала и не считала секунды, пока я имею её? Если бы она сама

хотела меня — как бы он звучал? В экстазе. В удовольствии. Когда она выгибается не от боли, а от наслаждения, а стонет не в подушку, а мне в губы. Когда шепчет моё имя — не с ненавистью, а с желанием. Чтобы я не останавливался. Чтобы я продолжал. Чтобы я...

Я сжал ручку так, что пластик хрустнул.

Член встал колом. Прямо здесь. На переговорах. Как у прыщавого юнца. Но ткань брюк продолжала натягиваться, а кровь приливать к паху.

Сука.

Я выругался про себя. Что за блядская одержимость? Я трахал её дважды. Два гребаных раза. До неё были десятки и я даже лиц не помнил. Почему эта застряла?

— Северин Александрович, — снова Захар. На этот раз настойчивее. — Пункт четвёртый. Мы согласовываем?

— Да, — бросил я.

Партнёры переглянулись. Седой чуть приподнял бровь. Заметил, что я не здесь. Плевать.

Я вспоминал её тело. Как она дрожала и кожа покрылась мурашками. Как сосок твердел под моим языком... Хотелось снова. Прямо сейчас. Встать из-за стола, сесть в машину, подняться в её комнату и взять. Жёстко. Так, чтобы стереть это наваждение.

Идиот. Раскис. Из-за кого? Из-за соплячки, которую привезли в дом как долг. Девки, у которой ни сисек толком, ни опыта — целка, блядь, девятнадцатилетняя. Что в ней тако-

го? Что?!

Я не находил ответа. И от этого злился ещё больше.

Ни одна сучка не смеет занимать мои мысли. Ни одна. Я не для того строил империю, чтобы теперь сидеть с каменным стояком и думать о том, какого цвета у неё соски. Это унизительно.

И что самое мерзкое — мне нравилось. Мне нравилось хотеть её. Мне нравилось, что она — там. В моём доме.

— Северин Александрович, — Захар почти умолял. — Финальный пункт. Подписываем?

Я посмотрел на бумаги перед собой. Буквы расплывались. Цифры теряли смысл. Я взял ручку. Подпись. Печать.

Рукопожатия. Партнёры заулыбались. Седой что-то говорил про плодотворное сотрудничество, про ужин, про будущее. Я отвечал односложно. Механически. Как робот.

Когда они ушли, Захар повернулся ко мне:

— Всё в порядке?

Я посмотрел на него. Он осёкся. Отвёл глаза. Правильно сделал.

— Бумаги подготовь к вечеру, — сказал я. — И свяжись с юристами.

— Вы уже уезжаете?

Я не ответил. Встал. Одернул пиджак.

Вышел в коридор. Остановился у окна. Прижался лбом к холодному стеклу. За ним — серый город. Люди, машины, чужая жизнь.

В висках стучало. Член всё ещё был твёрдым. Мысли — рваными.

Что это за хрень? Почему она не выходит из головы уже третий день? Она лезла в каждую мысль, как сорняк.

Я ненавидел это. Ненавидел себя за это. Ненавидел её — за то, что она со мной сделала.

Но где-то глубоко, под слоем злости и раздражения, уже зрело другое чувство. Тёмное. Глухое.

Я оттолкнулся от окна. Игорь ждал в коридоре и молча двинулся следом.

В машине я сел на заднее сиденье. Откинулся. Закрыл глаза. Перед внутренним взором — она.

— Возвращаемся.

Как вам такой Северин?

Глава 14

Милава

Северина не было уже три дня. И дышалось значительно легче. Воздух будто стал прохладным, пахнущим деревом и снегом из приоткрытой форточки. И я впервые за эти бесконечные дни могла расправить плечи, не чувствуя, как они тут же сжимаются обратно в ожидании удара. Конечно, это не отменяло сальных взглядов Димы, и того, что я все ещё была пленницей в этом доме.

Но хотя бы, можно было гулять. Я ходила босиком по холодному мрамору холла, трогала корешки книг в гостиной, смотрела в окно на серую ленту дороги, убегающую к воротам. Иногда садилась в кресло у холодного камина и просто сидела, поджав ноги, глядя на пустую решётку. Тишина звенела в ушах. Но она была хорошей, не предвещающей скорого шторма.

Так мне казалось.

Страх не ушёл, а просто затаился в углах комнат, за закрытыми дверями, на дне чашки с остывшим чаем. Я знала что он вернётся. Но старалась не думать об этом, проводя время на яву, в не роя могилу психике в вечных раздумьях и скорби по собственной судьбе.

Я наткнулась на Диму в гостиной на следующий день по-

сле нашего последнего разговора. Он стоял у шкафа, опершись локтем о деревянную полку, и листал что-то в телефоне. Увидев меня, улыбнулся. Улыбка была красивая — белозубая, открытая, — но от неё у меня внутри всё сжималось в тугой узел.

— Гуляешь? — спросил он.

— Гуляю.

Я прошла мимо, но не отвернулась. Не ускорила шаг. Вместо этого остановилась у окна и посмотрела на сад. Деревья просыпались, мокрые после ночного снега. Брусчатка блестела под тусклым мартовским солнцем. Я смотрела в даль и чувствовала взгляд на своей спине.

Отвратительно.

— Ты был прав, — сказала я, не оборачиваясь.

Тишина. Я слышала, как он подошёл ближе. На шаг. На два. Достаточно, чтобы я почувствовала его запах — цитрус, табак, что-то ещё, дешёвое, резкое.

— В чём именно? — спросил он. Голос был спокойным, но в нём прорезалась новая нота. Любопытство, или предвкушение.

— В том, что из всех зол — ты меньшее, — Я говорила медленно, подбирая слова.

Дима молчал. Я повернулась. Он стоял в шаге от меня. С пустыми глазами, в которых сейчас загорался голодный огонёк.

— Ты говорил, что... будешь ласковым, — продолжила я,

глядя ему прямо в лицо. — Это правда?

Он чуть склонил голову набок. Разглядывал меня. Как товар.

— Правда, — сказал он. Голос стал ниже. Интимнее. — Но с теми, кто этого заслуживает.

— Тогда, может быть... — я запнулась, опустила глаза, — когда он отстанет, ты не дашь меня в обиду? Я не хочу, чтобы меня... чтобы другие...

Я не договорила. Пусть он сам додумает. Пусть представит, как защищает меня от Игоря, Семёна, от друзей Тарханова. Пусть почувствует себя рыцарем.

Он подошёл ещё ближе. Его пальцы коснулись моего подбородка, приподняли лицо. Я заставила себя не отшатнуться. Заставила себя смотреть ему в глаза. Каждая клетка кричала: «Убери руку ублюдок!» Но я молчала. Я улыбнулась. Чуть-чуть.

— Я же говорил, — сказал он. — Ты мне нравишься. Я позабочусь о тебе.

Его большой палец провёл по моей скуле. Медленно. С нажимом. Я чувствовала каждую секунду этого прикосновения, и внутри всё сжималось от отвращения. Но я не отводила взгляд.

— Хорошо, — сказала я тихо. — Я запомню.

Он убрал руку. Отступил на шаг. Улыбнулся — на этот раз по-другому. Довольно.

— Вот и умница, — сказал он.

И вышел. А я осталась, прижимая ладонь к тому месту, где только что были его пальцы. Кожа горела. Сердце колотилось. Теперь, у меня есть рычаг.

Маленький. Скользкий. Но есть.

Я вышла из гостиной и направилась к лестнице. Хотелось умыться.

— Милава.

Я вздрогнула. Вера стояла в дверях кухни. Видимо, ждала. Руки сцеплены в замок. Спина прямая. Но глаза выдавали её с головой. Тревога, которую она так старательно пыталась прятать.

— Что? — спросила я, останавливаясь.

Она подошла ближе. Взяла меня за локоть — осторожно, но настойчиво. Отвела в сторону, к стене, подальше от камер.

— Я вас видела, — сказала она тихо.

Я молчала. Она смотрела на меня и ждала ответа. Не дождалась.

— Будьте осторожны, — её голос дрогнул. — Вы не знаете, какой он. Дима не хороший человек. Он не тот, за кого себя выдаёт.

— Я знаю, кто он, Вера.

— Нет, — она покачала головой. — Не знаете. Я видела, как он смотрит на вас. И я видела, как вы...

Она замолчала. Поджала губы, будто сказала лишнее.

— Как я — что? — спросила я.

Вера молчала, но я поняла, что она она имеет ввиду.

— У меня нет других вариантов, — сказала я. — Северин наиграется и отдаст меня кому-нибудь. Он не отпустит домой.

Вера отшатнулась, как от пощёчины. В глазах — боль. И что-то ещё. Вина.

— Я знаю, что делаю, — сказала я твёрже, чем чувствовала. — Дима — единственный, кто может меня защитить. Когда Северину станет скучно мучать меня.

— Если наиграется, — тихо поправила Вера.

Я замолчала. Она смотрела на меня — и я вдруг увидела в её глазах понимание. Она знала что-то, чего не говорила.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

Но она уже отступила. Разжала пальцы. Выпрямилась. Лицо снова стало непроницаемым.

— Просто будьте осторожны, — повторила она.

И ушла. Быстро. Бесшумно. Растворилась в полумраке коридора, оставив меня одну.

Я стояла у стены и смотрела ей вслед. «Если наиграется». Что это значит?

Я тряхнула головой. Не сейчас. Сейчас у меня есть задача: Дима.

****

Я решила принять ванну ближе к вечеру.

Не потому что хотелось. Просто другого способа заглушить тревогу, которая зудела под кожей после разговора с Верой, я не нашла. Горячая вода, пар, тишина. Единственное место в этом проклятом доме, где я могла хоть на полчаса забыть, где я и кто.

Ванная комната была единственной роскошью, которую я позволяла себе без отвращения. Мраморный пол с подогревом, большое зеркало в пол стены, белые полотенца, сложенные ровной стопкой. Я заколола волосы наверх, скинула платье и опустилась в воду. Горячую. Почти обжигающую. Закрыла глаза.

Пар поднимался к потолку. Капли конденсата стекали по стенам. Я дышала медленно, глубоко, пытаясь успокоить сердце. В голове крутился последний разговор. Что она знала? Почему не договаривала?

Я не услышала шагов.

Дверь открылась бесшумно и только движение воздуха заставило меня распахнуть глаза. И я увидела его.

Дима

Он стоял на пороге и смотрел на меня. Вода едва прикрывала грудь, колени я инстинктивно подтянула к животу. Пена уже растаяла. Я была голая, открытая, беззащитная.

— Что ты делаешь? — голос сорвался. — Выйди. Выйди сейчас же.

Он не двинулся. Закрыл за собой дверь. Медленно. Со щелчком. Задвижка. Я не запиралась. Зачем? Северина нет.

Игорь не заходит. Вера стучится. А Дима... должен был ждать. Я думала, у меня есть время.

— Я тут подумал — сказал он, и его губы растянулись в улыбке. — Босс ещё не скоро приедет. Можно не ждать. А я хочу тебя прямо сейчас.

Внутри всё оборвалось.

Нет. Нет, нет, нет. Это не входило в план. Я не этого хотела. Я хотела, чтобы он верил, что я на его стороне и думал обо мне как о награде, которую нужно заслужить. Он хотел взять. Сейчас.

— Я не хочу, — сказала я. Голос дрожал, но я заставила себя говорить громче. — Дима, я не хочу. Пожалуйста. Остановись.

— Ты же сама сказала, что согласна, — он сделал шаг к ванне. — Так в чём проблема?

— Я не это имела в виду! — я уже кричала. — Я не соглашалась на это! Не смей! Помогите! Кто-нибудь! Помогите!

Он засмеялся. Громко. Открыто. Его смех отразился от кафельных стен и ударил мне в уши.

— Обмануть меня хотела? Сука. Теперь кричи!— сказал он. — Здесь никого нет. Никто не услышит.

Он подошёл ближе. Я вжалась в спинку ванны. Вода плеснулась через край, залила пол. Я закричала снова — громко, отчаянно.

Он протянул руку. Коснулся моего тела. Его пальцы были горячими и грубыми. Я дёрнулась, как от удара током. Во-

да выплеснулась ещё сильнее. Он схватил меня за плечо — крепко, до боли, — и потянул на себя вытаскивая из ванны. Я сорвалась, ударилась ключицей о бортик ванны. Боль прострелила до локтя. Но у него получилось кинуть меня на пол.

— Не трогай! — я била его по руке, по лицу, по чему попало. — Убери руки! Убери!

Ему нравился мой страх, слёзы, моё бессилие. Я увидела это в его глазах — тот же голодный огонь, та же тьма.

— Тише, — сказал он. — Тише, малышка. Я же обещал, что буду ласковым. Не дёргайся.

Его вторая рука легла мне на шею. Он наклонился ближе. Его лицо оказалось в сантиметре от моего — серые глаза, расширенные зрачки, влажные губы. Он собирался поцеловать меня, пока я судорожно хваталась за его пальцы, державшие меня за шею.

И тогда дверь слетела с петель.

Звук был такой, будто в стену врезался грузовик. Задвижка отлетела в сторону, ударилась о кафель. Я закричала — на этот раз от неожиданности. Дима отдёрнул руки и обернулся.

На пороге стоял Северин.

И мир будто замедлил свой ход.

Плащ нараспашку, тяжелое дыхание. Ворот рубашки расстёгнут, будто он рвал его на себе, пока поднимался по лестнице.

Но страшнее всего были глаза.

Почерневшие. Бешеные. В них не осталось ничего чело-

веческого — ни холода, ни расчёта, ни той ленивой насмешки, с которой он смотрел на меня раньше. Только чистая, концентрированная ярость. Животная. Тёмная.

Дима замер. Смотрел на хозяина и не двигался. Просто потому что не мог.

А я сидела на полу голая, дрожащая, с синяками на плече и ключице. Опоясонная ужасом. Смотрела в эти глаза. И думала только одно: я не знаю, что будет дальше. Но Дима уже мёртв.

Глава 15

Северин

Крик.
Громкий, отчаянный. Так звучат, когда уже не наде

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.